ИЗЪ МОИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Мнѣ было уже лѣтъ четырнадцать, когда, около новаго года, отецъ рѣшительно объявилъ, что повезетъ меня и сестру Любиньку въ Петербургъ учиться. Приготовлены были двѣ кожаныхъ кибитки съ фартуками и круглыми стеклянными по бокамъ окошечками, и, какъ-бы въ родѣ репетиціи, отецъ повезъ насъ съ сестрою въ Орелъ проститься съ дѣдушкой. Нервная мать все время не могла удержаться отъ слезъ; но это видимо только раздражало отца, и онъ повторялъ: «нѣтъ, нѣтъ, это не моя метода; такъ-то, говорятъ, обезьяны обнимаютъ дѣтей да и задушатъ. Дѣти не игрушки; по моему, поѣзжай хоть въ Америку, да будь счастливъ».

Все дѣлалось по совѣщанію съ дядей Петромъ Неофитовичемъ, и я даже подозрѣваю—съ его матеріальной помощью. Домашній портной Антонъ не только смастерилъ мнѣ фрачную пару изъ старой отцовской, по сшилъ и новый синій сюртукъ, спускавшійся мнѣ чуть не до пятъ. Дядя подарилъ мнѣ плоскіе серебряные часы съ золоченымъ ободкомъ и 300 руб. ассигнаціями денегъ.

Наконецъ въ переднюю кибитку, по возможности нагруженную, подобно задней, всякимъ добромъ, преимущественно конфектами въ подарки, сѣли мы съ отцомъ, а во второй слѣдовала нянька съ Любинькой; на облучкахъ ѣхали: Илья Аѳанасьевичъ и дорожный поваръ Аѳанасій, мой бывшій учитель.

Дѣти, если это возможно, еще большіе эгоисты, чѣмъ взрослые, и, прощаясь съ матерью, я, гордый предстоящей, какъ я думалъ, свободой, не понималъ, съ какою материнскою нѣжностью разлучаюсь.

Дядя Петръ Неофитовичъ, соскучась зимою въ деревнѣ, купилъ въ Мценскѣ небольшой домикъ, состоявшій изъ передней, порядочной столовой и спальни. У него почти ежедневно обѣдали и по вечерамъ играли въ карты артиллерійскіе офицеры, и онъ говорилъ шуткой: «я выставлю надъ крыльцомъ надпись: клубъ для благородныхъ людей».

Вотъ къ этому-то дому и подъѣхали наши кибитки по пути въ Москву. и передъ наступленіемъ сумерекъ привели ямскихъ лошадей.

— Илюшка, сказалъ Ильѣ Аѳанасьевичу на прощанье дядя:—вотъ тебѣ по цѣлковому вашимъ ямщикамъ, если они птицей пролетятъ первую станцію. Такъ и скажи имъ.

Къ сожалѣнію, мы попали въ такіе ухабы и развалы, при которыхъ о птичьемъ полетѣ нечего было и думать. Вѣроятно, избѣгая еще худшей дороги, мы поѣхали не на Тулу, а на Калугу, и это единственный разъ въ жизни, что мнѣ удалось побывать въ этомъ городѣ, въ которомъ помню только громадное количество голубей да надпись на окнѣ постоялаго двора: «мы пріѣхали въ Калугу къ любезному другу».

Въ Москвѣ, остановившись въ гостинницѣ Шевалдышева, на нижнемъ концѣ Тверской, отецъ повезъ насъ съ сестрою въ домъ нашего деревенскаго сосѣда, адъютанта генералъ-губернатора князя Голицына—П. П. Новосильцова, въ его собственный домъ у Харитонія въ Огородникахъ. Тамъ я въ первый разъ познакомился съ шестилѣтнимъ сыномъ Новосильцова, Ваничкой, бѣгавшимъ въ красной шелковой рубашкѣ съ золотымъ позументомъ на воротѣ. Не взирая на малыя лѣта ребенка, я уже засталъ при немъ молодаго рыжеватаго наставника нѣмца Фелькеля; а Любинька познакомилась со старшею сестрою Ванички Катенькой (впослѣдствіи княгиней Вяземской). Всѣмъ домомъ свѣтскаго красавца Новосильцова завѣдывала небогатая родственница, къ которой дѣти, рано лишившіяся матери, привязались на всю жизнь и называли: Агрипинъ.

— Если вы хотите послушать моего совѣта, сказалъ за обѣдомъ Петръ Петровичъ,—то не останавливайтесь съ дѣтьми въ Москвѣ; тутъ вамъ ихъ помѣстить некуда; и вы, подобно мнѣ, не располагаете отдать сына въ кадетскій корпусъ, да и женскіе институты наилучшіе въ Петербургѣ. Поэтому поѣзжайте въ Петербургъ и обратитесь такъ къ брату Николаю Петровичу; онъ завѣдуетъ институтами и будетъ сердечно радъ служить вамъ, а насчетъ сына обратитесь къ нашему земляку Жуковскому: онъ тоже дастъ вамъ наилучшій совѣтъ и сдѣлаетъ все отъ него зависящее.

На другой день, пока отецъ ѣздилъ хлопотать въ опекунскій совѣтъ, я вздумалъ навѣстить въ академіи бывшаго своего учителя Петра Ивановича; а какъ деньги по милости дяди у меня были, то я попросилъ Илью Аѳанасьевича нанять мнѣ извозчика въ академію.

— Извозчикъ! извозчикъ! закричалъ Илья Аѳанасьевичъ, когда мы сошли на крыльцо:—что возьмешь въ *иже-херувимскую* академію?

За двугривенный санки подвезли меня къ желѣзной калиткѣ академіи на Рождественкѣ, и мы радостно бросились съ Петромъ Ивановичемъ другъ къ другу въ объятія. Петръ Ивановичъ даже явился къ намъ обѣдать въ гостинницу.

На другой день тѣмъ-же порядкомъ, какъ до сихъ поръ, т.-е. на сдаточныхъ со своими замороженными щами и скороспѣлыми обѣдами приготовленія Аѳанасія по постоялымъ дворамъ, потянулись мы къ Петербургу.

Тутъ утромъ и вечеромъ по длиннымъ деревнямъ, въ которыхъ каждый дворъ исполнялъ должность постоялаго, происходила одна и та-же продѣлка: кибитка останавливалась передъ крыльцомъ двора и Аѳанасій или Илья, отстегивая край кожи, снявъ шапку, спрашивалъ отца: «прикажете спросить?»

— Спроси, говорилъ отецъ,—да смотри, чтобъ не было угару.

Минуты черезъ двѣ слуга возвращался съ донесеніемъ, что хозяинъ меньше пятиалтыннаго за самоваръ не беретъ.

— Ну что-жь ты, дуракъ, меня безпокоишь? Ступай дальше, ищи въ гривенникъ и сливки въ пять копѣекъ.

За вновь уходящимъ слугой передвигались и наши повозки къ другому постоялому двору, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока слуги кричали: «пожалуйте!». Тогда выносилась чайная шкатулка, запасные бублики, и начиналось чаепитіе.

Но какъ всему бываетъ конецъ, то и наше путешествіе окончилось на постояломъ дворѣ Средней Мѣщанской въ Петербургѣ.

Пока отецъ сглаживалъ передъ нами дальнѣйшіе пути жизни, я проводилъ время или въ комнатѣ молодой хозяйской дочери, распѣвавшей надъ шитьемъ: «И колокольчикъ *гигалгая*...», или ловлею голубей на галлереѣ во внутрь двора. Раздобывшись при посредствѣ Аѳанасія конскими волосами, я надѣлалъ изъ нихъ петель и деревянными клепышками набилъ ихъ на деревянную раму баляснника и взятой у Аѳанасія крупы насыпалъ среди петель. Изъ окна я слѣдилъ за тѣмъ, какъ голубь, усердно клюющій крупу, коралловой ножкой попадалъ въ петлю и начиналъ биться. Первое время я безразлично ловилъ голубей и, связавши имъ крылья, чтобы они не выбили оконъ, пускалъ ихъ въ кухнѣ; но затѣмъ я непремѣнно пожелалъ имѣть пару бѣлыхъ, а пойманныхъ сизыхъ или глинистыхъ выпускалъ на волю. Такъ вмѣсто одной пары бѣлыхъ я наловилъ ихъ двѣ.

На другой или третій день отецъ повезъ насъ на Милліонную, въ домъ министра Н. П. Новосильцова, гдѣ, кромѣ его жены, мы были

представлены и старухѣ матери съ весьма серьезнымъ лицомъ, украшеннымъ огромною на щекѣ бородавкою. Въ глаза бросалось уваженіе, съ которымъ высокопоставленные гости относились къ этой старухѣ, говорившей всѣмъ генераламъ: «ты, батюшка»...

До сей поры я продолжалъ ходить съ отложными воротничками, но однажды отецъ привезъ мнѣ черный шелковый платокъ, подгалстушникъ на щетинѣ и пеструю лѣтнюю шейную косынку.

— Я поѣду къ Николаю Петровичу обѣдать, а вы обѣдайте дома, а въ 8 часовъ вечера ты пріѣзжай туда, и я тебя представлю Жуковскому.

Вечеромъ, желая явиться во всемъ блескѣ, я къ фрачной парѣ надѣлъ свой прелестный пестрый галстукъ. Къ счастью, Жуковскаго на этомъ блѣстящемъ вечерѣ не было, и, конечно, никто не обратилъ вниманія на провинціальнаго мальчишку. Но, возвращаясь домой, отецъ сказалъ мнѣ: «зачѣмъ ты надѣлъ пестрый галстукъ? этого никто не дѣлаетъ».

Въ непродолжительномъ времени Любиньку отвезли въ Екатерининскій институтъ, а по отношенію ко мнѣ Жуковскій, у котораго отецъ былъ безъ меня, положительно посовѣтовалъ меня везти въ Дерптъ, куда далъ къ профессору Моеру рекомендательное письмо.

Такимъ образомъ, оставивъ на постояломъ дворѣ одну изъ повозокъ, мы съ отцомъ отправились въ Дерптъ, куда и прибыли на третьи сутки.

Старикъ Моеръ, принявшій насъ весьма радушно, высказалъ мнѣніе, что для воспитанника, до такой степени отрываемаго отъ семейнаго надзора, Дерптъ, по шумной студенческой жизни, не представляетъ достаточно благонадежнаго пріюта, и что слѣдуетъ попытать счастья, не согласится-ли его пріятель, директоръ учебнаго заведенія въ сосѣднемъ городкѣ Верро, принять меня въ свою школу. Съ этою цѣлью Моеръ написалъ директору Крюммеру письмо и просилъ переслать его съ эстафетомъ, съ которымъ на другой-же день долженъ былъ получиться отвѣтъ. Отвѣтъ пришелъ благопріятный, и на слѣдующій день повозка наша подъѣхала къ одному изъ домовъ широкой улицы, вдоль которой съ площади до самаго озера тянулась широкая березовая аллея. Извозчиковъ въ городѣ Верро не оказалось, и на утро, помню какъ разъ въ воскресенье, отецъ повелъ меня пѣшкомъ къ парадному угольному сѣнямъ училища. Когда изъ небольшихъ сѣней мы переступили въ главную залу, то какъ разъ попали на воскресный молитвенный хоръ всего училища и на послѣдніе аккорды органа, послѣ которыхъ слушавшіе проповѣдь расходятся.

Находя, вѣроятно, что мы явились не впопадъ, отецъ снова отперъ за собою дверь и, выведя меня въ сѣни, самъ вернулся въ залу.

Минуты черезъ двѣ, которыя показались мнѣ безконечными, дверь снова отворилась, и я, по знаку отца, снова вошелъ въ залу, представляя собою общій предметъ любопытства школьниковъ. На встрѣчу къ намъ послѣ директора подошелъ, какъ мы потомъ убѣдились, главный преподаватель института, многоученый Мортимеръ. На увѣренія отца, будто-бы я такъ-же твердо знаю латинскую грамматику, какъ и русскую, — фраза, въ которую я и самъ, со словъ моихъ наставниковъ семинаристовъ, готовъ былъ вѣрить, — Мортимеръ попросилъ меня перевести на латинскій языкъ слова: «я говорю, что ты идешь». Какъ я ни силился, но не могъ попасть на винительное съ неопредѣленнымъ, пока Мортимеръ не подсказалъ мнѣ: «dico te venire».

Этимъ и кончился довольно плачевно мой вступительный экзаменъ.

Часа черезъ два мнѣ указано было мое мѣсто по возрасту, въ старшей палатѣ, номеръ первый, а по ученью я былъ назначенъ въ третій классъ, этажемъ ниже, занимавшій во время уроковъ помѣщеніе второй палаты. Вещи мои сданы были на другую половину института, гдѣ помѣщались дортуары, — въ отдѣленіе болѣе чѣмъ пожилой гардеробмейстерши. На вопросъ Крюммера, обращенный къ отцу, что я желаю пить утромъ и вечеромъ, такъ какъ большинство учениковъ предпочитаютъ молоко, отецъ, снисходя къ моему желанію, просилъ давать мнѣ чаю.

— Очень хорошо, сказалъ Крюммеръ,—это безразлично, такъ какъ чай и кофей дѣлаются для учителей.

Затѣмъ, ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель, отецъ, заказавъ почтовыхъ лошадей, далъ поцѣловать мнѣ свою руку, и я, мечтавшій о свободѣ и самобытности, сразу почуствовалъ себя среди иноплеменныхъ людей въ зависимости, съ которой прежняя домашняя не могла быть поставлена ни въ какое сравненіе.

У длиннаго крашенаго стола съ подъемными крышами на обѣ стороны и соотвѣтственными рядами неподвижныхъ скамеекъ, мнѣ указали мѣсто, которое я могъ занять своими тетрадями и письменными принадлежностями, причемъ я получилъ и ключъ отъ ящика въ столѣ. Снабдивъ меня бумагой для черновыхъ и бѣловыхъ тетрадей, директоръ выдалъ мнѣ соотвѣтственные моему классу учебники. Книги эти помѣщались на открытыхъ вдоль стѣны полкахъ. Образъ школьной жизни былъ почти неизмѣненъ и состоялъ въ слѣдующемъ.

Вечеромъ, для старшихъ классовъ, въ 10 часовъ, по приказанію дежурнаго надзирателя, всѣ становились около своихъ мѣстъ и, сложивши руки, съ переплетенными пальцами, на минуту преклоняли головы, и затѣмъ каждый, смѣнивъ одежду на халатъ, а сапоги на туфли, клалъ платье на свое мѣсто на столъ и ставилъ сапоги подъ лавку; послѣ того весь классъ съ величайшею поспѣшностью сбѣгалъ три этажа по лѣстницѣ и, перебѣжавъ черезъ нетопленныя сѣни, вступалъ въ другую половину зданія, занимаемаго, какъ сказано выше, темными дортуарами. Въ дортуарахъ, вдоль по обѣимъ стѣнамъ, стояли шкафы; дверка такого шкафа скрывала складную кровать, которую стоило опустить, чтобы она при помощи отворенной дверки представила родъ отдѣльной корабельной каюты. Всякіе разговоры въ постели строго воспрещались, и никто не могъ знать, не проходитъ-ли въ темнотѣ по корридору неслышной стопою кастеляншa или-же и самъ Крюммеръ, коего ночное шествіе обозначалось только слабымъ мерцаніемъ пѣнковой трубки и ароматнымъ запахомъ кнастера. Въ шесть часовъ утра дежурный надзиратель безмолвно проходилъ вдоль кроватей, стуча рукою по громозвучнымъ ихъ дверцамъ, и тогда — о горе! — приходилось изъ нагрѣтой постели, накинувъ халатъ, бѣжать по холоднымъ сѣнямъ въ свою палату, гдѣ неуклюжій на видъ чухонецъ Мертъ успѣвалъ уже, дурно-ли, хорошо-ли, перечистить платье и сапоги. Равнымъ образомъ толстыя бѣлокурыя и въ кружокъ остриженныя чухонки въ отсутствіе учениковъ успѣвали вынести подставную въ умывальникѣ лохань съ грязной водой и наполнить деревянный надъ нимъ резервуаръ свѣжею. По окончаніи туалета такія-же корпулентныя чухонки приносили на одномъ подносѣ кружки съ молокомъ, а на другомъ ломти домашняго ситнаго хлѣба; затѣмъ каждый старался окончить приготовленіе къ предстоящимъ урокамъ. Ровно въ 8 часовъ внизу въ корридорѣ раздавался громогласный звонокъ, по которому всѣ устремлялись въ общую залу на утреннюю молитву, продолжавшуюся минутъ пять и состоявшую изъ лютеранскихъ стиховъ, пропѣтыхъ общимъ хоромъ подъ мастерскую игру на органѣ знакомаго уже намъ Мортимера. Затѣмъ до 11 часовъ слѣдовали три утреннихъ урока, по окончаніи которыхъ до половины двѣнадцатаго на завтракъ въ палаты приносились такіе-же ломти ситнаго хлѣба, весьма ловко и прозрачно намазанные масломъ. Съ половины двѣнадцатаго до половины перваго шелъ четвертый утренній урокъ для старшихъ классовъ, а въ половинѣ перваго снова по звонку все бѣжало въ общую залу къ двойному ряду столовъ, гдѣ всякій за обѣдомъ занималъ свое обычное мѣсто. Здѣсь

на первомъ столѣ самъ Крюммеръ, а на второмъ старшій надзиратель одного изъ меньшихъ классовъ наливали изъ объемистой оловянной суповой чаши каждому по тарелкѣ супу съ картофелемъ или щей, и надлежащая порція достигала по передачѣ своего назначенія. Запасный хлѣбъ на возобновленіе съѣденнаго куска лежалъ по близости раздавателей благостыни, и надо было имѣть сильную протекцію, чтобы дождаться желаннаго повторенія. На второе блюдо почти неизмѣнно слѣдовала жареная говядина съ круглымъ жареным картофелемъ. Этимъ въ будни и кончалась трапеза, украшаемая въ воскресные дни драченой или жареными въ маслѣ розанами. Нечего грѣха таить, что мы постоянно были впроголодь. Въ воскресенье послѣ обѣда входная дверь съ улицы въ залу растворялась, и рослая, краснощекая и въ кружокъ остриженная бѣлокурая чухонка вступала съ двумя полными корзинами печенья отъ сосѣдняго хлѣбника Шлейхера. Чего тутъ ни было, начиная съ простыхъ бѣлыхъ или сдобныхъ хлѣбовъ и кренделей до лакомыхъ пряниковъ, которыми Шлейхеръ славился и гордился. Были они большею частью въ формѣ темнокрасныхъ сердецъ. Каждаго перваго числа Крюммеръ, по просьбѣ родителей, снабжалъ учениковъ карманными деньгами даже до размѣра двухъ серебряныхъ рублей. Будучи по милости дяди, сравнительно съ другими учениками, богачемъ, я по воскресеньямъ, кромѣ оставляемыхъ по завѣщанію уходившими къ родителямъ товарищами порцій завтрака и вечерняго молока, покупалъ у посланной отъ Шлейхера по тогдашнимъ цѣнамъ громадную провизію на 20 коп. При этомъ ящикъ моего стола наполнялся всяческою благодатью, и я, съ наслажденіемъ приподнимая крышку и пощипывая запасъ, мечталъ и о завтрашнемъ утоленіи голода всласть. Но, увы! по большей части къ вечеру ящикъ мой пустѣлъ окончательно. Здѣсь я долженъ упомянуть о довольно характерномъ обычаѣ школы. Не смотря на то, что передъ обѣдомъ круглый годъ даже учителямъ не подавалось вина, разъ въ годъ, въ день рожденія Крюммера, красное вино раздавалось всей школѣ въ весьма почтенныхъ размѣрахъ, увеличивавшихся по мѣрѣ возраста учениковъ палаты. Такъ, напримѣръ, въ самую многочисленную низшую четвертую палату съ двадцатью учениками отъ 7-ми до 11-ти-лѣтняго возраста выдавалось четыре бутылки, и затѣмъ начиналось тамъ громогласное пѣніе, крикъ, задоръ, и навшіе въ битвѣ относились въ постель. О нашей первой палатѣ, состоявшей человѣкъ изъ шестнадцати, говорить нечего: намъ отпускалось бутылокъ десять, и расходившись, мы нерѣдко тихонько посылали отъ себя за виномъ.

Въ часъ вставали изъ-за стола и, не взирая ни на какую погоду, отправлялись подъ надзоромъ дежурнаго учителя гулять. Учителями этими являлись черезъ день иностранцы, т.-е. въ одинъ день французъ, а въ другой—русскій, и соотвѣтственно этому на прогулкахъ было обязательно говорить не иначе, какъ по-французски или по-русски. Прогулка длилась часъ; въ два часа всѣ садились за приготовительный получасовой урокъ, а отъ двухъ съ половиною до трехъ съ половиною и затѣмъ до четырехъ съ половиною шли два послѣобѣденныхъ урока въ младшихъ классахъ; а въ двухъ старшихъ присоединялся отъ половины пятаго до половины шестаго третій послѣобѣденный ежедневный латинскій урокъ независимо отъ утренняго. Затѣмъ у старшихъ на вечернее молоко оставалось только полчаса времени до шести, а въ шесть часовъ до восьми всѣ садились снова приготовлять уроки. Въ 8 часовъ, по звонку, всѣ бѣжали къ ужину, состоявшему, какъ и обѣдъ, изъ двухъ блюдъ, но только съ замѣною супа размазней и жареной говядины—вареною съ такимъ-же картофелемъ. Съ половины девятаго до половины десятаго полагался отдыхъ, и затѣмъ раздѣваніе и бѣгство въ дортуаръ. Два раза въ недѣлю, въ среду и субботу, тотчасъ послѣ ужина классы одинъ за другимъ, по звонку, отправлялись въ гардеробъ, гдѣ на столахъ было разложено кастеляншею каждому его свѣжее бѣлье. Здѣсь мы имѣли случаій разсмотрѣть нашу кастеляншу, которая при чухонской курносости отличалась весьма сильнымъ ростомъ бороды, которую она тщательно подстригала.

Вернувшись въ классъ, мы, перемѣнивши бѣлье, завязывали грязное въ носовой платокъ или полотенце и по дорогѣ въ дортуаръ складывали на столѣ въ гардеробѣ.

Поступленія новичковъ въ третью и четвертую палаты (Stube) я не видалъ, находясь въ самомъ верхнемъ этажѣ корпуса—въ первой; а въ эту, за исключеніемъ меня, новичковъ не поступало, и я могу только разсказать о томъ, что было со мною. Между благодушными и юмористическими товарищами нѣкоторые, обладающіе по возрасту значительною силой и ловкостью, были, къ несчастью, склонны практиковать свою силу надъ новичкомъ. Въ нашемъ классѣ нѣкто Фурхтъ не безъ основаніія внушалъ страхъ, какъ гласила его фамилія. Не было возможности спастись отъ его кулака, которымъ онъ по заказу билъ куда хотѣлъ, заставляя видимымъ пинкомъ въ грудь, животъ или носъ невольно защищать угрожаемое мѣсто; но тутъ-то его кулакъ, какъ молнія, билъ въ указанный бокъ. Хотя и съ меньшей ловкостью, не меньшимъ задоромъ и силой отличались Менгденъ

и Каленъ. Послѣдній не выжидалъ случаевъ или предлоговъ къ нападенію, а не только въ рекреацію, но и въ часы приготовленія уроковъ вполголоса говорилъ: «я иду, защищайся». И затѣмъ жестокіе удары сыпались куда попало. Жаловаться дежурному въ палатѣ учителю нечего было и думать, такъ какъ этимъ пріобрѣталось-бы только позорное прозваніе «Clatsche» — доносчика и удвоеніе ударовъ. Но ежедневно умножающіеся синяки вынудили меня на отчаянное средство. Я пошелъ въ кабинетъ директора и, не жалуясь ни на кого, сказалъ: «Г. Крюммеръ, пожалуйте мнѣ отдѣльную комнатку, такъ какъ я не въ силахъ болѣе выносить побоевъ».

— Ну, хорошо, отвѣчалъ Крюммеръ,—ступай въ свой классъ, тамъ видно будетъ.

Не знаю, принялъ-ли директоръ какія-либо мѣры, но на другой-же день просьба моя: «Г. Крюммеръ, пожалуйте мнѣ отдѣльную комнату», насмѣшливо повторялась большинствомъ класса, и удары продолжали сыпаться съ прежнимъ обиліемъ. Къ этому присоединялись насмѣшки: «хорошъ, нечего сказать, въ своемъ длинноломъ сюртукѣ, и отецъ-то выпихнулъ его за дверь!»

Дѣйствительно, во всей школѣ, среди разнообразныхъ и небогатыхъ, но за-то короткополыхъ сюртучковъ и казакиновъ, я одинъ представлялъ синюю сахарную голову. Чтобы разъ навсегда окончить съ поводомъ для постоянныхъ насмѣшекъ, я разложилъ свой синій сюртукъ на столъ, обозначилъ мѣломъ на цѣлыхъ двѣ четверти кратчайшій противъ подола кругъ и съ упоеніемъ обрѣзалъ по намѣченной чертѣ губительныя полы. Я долженъ прибавить, что изъ обрѣзковъ портной составилъ мнѣ модную, кверху, въ видѣ гречневика, съуживающуюся шапку.

Такъ какъ ни одинъ учитель или ученикъ не избѣгалъ прозвища, то, вѣроятно, въ намекъ на мое происхожденіе изъ глубины Россіи я получилъ прозваніе: «медвѣдь-плясунъ», что при случаѣ употреблялось въ смыслѣ упрека, а иногда и ласкательно. Выпрашивая что-либо, просящій гладилъ меня по плечу, приговаривая: «Tanzbär, Tanzbär». Про самого Крюммера злоязычники говорили, что онъ былъ прусскій барабанщикъ, и между собою никто не говорилъ Крюммеръ, а всѣ «Trommelschlaeger».

Однажды передъ приходомъ учителя въ нашъ третій классъ, помѣщавшійся во второй палатѣ, широкоплечій Менгденъ безъ всякой съ моей стороны причины сталъ тузить меня. Но, должно быть, задѣвши черезчуръ больно, онъ привелъ меня въ ярость и заставилъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное. Не думая

о получаемыхъ ударахъ, я сталъ гвоздить своего противника кулаками безъ разбора сверху внизъ; тогда и онъ, забывъ о нападеніи, только широко раздвинувъ пальцы обѣихъ рукъ, державъ ихъ какъ щиты передъ своею головой, а я продолжалъ изо всѣхъ силъ бить, попадая кулаками между пальцами противника, при общихъ одобрительныхъ крикахъ товарищей: «валяй, Шеншинъ, валяй!». Отступающій противникъ мой уперся, наконецъ, спиною въ классный умывальникъ и, схвативъ на немъ мѣдный подсвѣчникъ, сталъ остріемъ его бить меня по головѣ. Въ одинъ мигъ бросившіеся товарищи оттащили насъ другъ отъ друга, такъ какъ я уже ничего не видалъ изъ подъ потока крови, полившейся по лицу изъ просѣченной до кости головы. Рубецъ этого шрама, заросшаго подъ волосами, я сохранилъ на всю жизнь, но за-то эта битва положила конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ на меня нападеніямъ.

Еще въ концѣ перваго года моего пребыванія въ школѣ, когда товарищи, привыкнувъ ко мнѣ, перестали меня дразнить, одно обстоятельство внесло въ мою душу сильную смуту и заставило вокругъ меня зашумѣть злоязычіе, подобно растроганной колодѣ пчелъ. Дядя, отецъ и мать по временамъ писали мнѣ, и чаще всѣхъ дядя, изрѣдка влагавшій въ свое письмо воспитаннику Шеншину сто рублей. Часто директоръ, по полученіи почты, самъ входилъ въ классъ и, смотря на конверты, громко называлъ ученика по фамиліи и говорилъ: «это тебѣ, Шеншинъ», передавая письмо.

Но однажды отецъ безъ дальнѣйшихъ объясненій написалъ мнѣ, что отнынѣ я долженъ носить фамилію Фетъ, причемъ самое письмо ко мнѣ было адресовано: Аѳ. Аѳ. Фету. Вѣроятно, отецъ единовременно писалъ объ этомъ и Крюммеру, который, не желая производить смущеніе, продолжалъ передавать мнѣ отцовскія письма, говоря попрежнему: «это тебѣ, Шеншинъ», такъ какъ школа никакого Фета не знала. Какъ ни горька была мнѣ эта нежданная новость, но убѣжденный, что у отца была къ тому достаточная причина, я считалъ вопросъ до того деликатнымъ, что ни разу не обращался за разрѣшеніемъ его ни къ кому. «Фетъ такъ Фетъ,—подумалъ я,—видно такъ тому и быть. Покажу свою покорность и забуду Шеншина, именемъ котораго были надписаны всѣ мои учебники». Затѣмъ въ первомъ письмѣ къ дядѣ я подписался этой фамиліей. Черезъ мѣсяцъ на это письмо я получилъ отвѣтъ дяди, который писалъ:

«Я ничего не имѣю сказать противъ того, что, быть можетъ, въ оффиціальныхъ твоихъ бумагахъ тебѣ слѣдуетъ подписываться новымъ именемъ; но кто тебѣ далъ право вводить оффиціальныя отно-

шенія въ нашу взаимную кровную привязанность? Прочитавши письмо съ твоей новой подписью, я порвалъ и истопталъ его ногами. И ты не смѣй подписывать писемъ ко мнѣ этимъ именемъ».

Вся эта передряга могла-бы остаться въ семейномъ кругу, такъ какъ никто сторонній не читалъ моихъ писемъ. Но однажды Крюммеръ, стоя у самой двери классной, тогда какъ я сидѣлъ на противоположномъ ея концѣ, сказавши: «Шеншинъ, это тебѣ»,—передалъ письмо близь стоящему ученику для передачи мнѣ. При этомъ никому неизвѣстная фамилія Фетъ на конвертѣ возбудила, по уходѣ директора, недоумѣніе и шумъ.

— Что это такое? у тебя двойная фамилія? отчего-же нѣтъ другой? откуда ты? что ты за человѣкъ? и т. д. и т. д.

Всѣ подобные возгласы и необъяснимые вопросы еще сильнѣе утверждали во мнѣ рѣшимость хранить на этотъ счетъ молчаніе, не требуя ни отъ кого изъ домашнихъ объясненій.

Въ третьемъ классѣ Мортимеръ давалъ намъ уроки географіи передъ нѣмыми картами изданія самого директора Крюммера. Когда, по указанію прутикомъ на одинъ изъ острововъ Ледовитаго океана, никто не умѣлъ назвать острова, Мортимеръ пояснилъ, что это *Новія Цемлія*.

Какъ ни плохъ я былъ въ латинской грамматикѣ, тѣмъ не менѣе, приготовившись, я съ грѣхомъ пополамъ слѣдилъ за ежедневнымъ чтеніемъ Цезаря, а уроки геометріи въ нашемъ классѣ преподавалъ самъ Крюммеръ. На доскѣ рисовалъ онъ намъ фигуру новой теоремы, требуя, чтобы до слѣдующаго урока мы представили ему правильный рисунокъ теоремы въ большой тетради и буквальное разрѣшеніе ея въ маленькой. При этомъ, кромѣ разрѣшенія задачи, онъ требовалъ опрятнаго письма и присутствія промокательной бумаги, безъ чего свое ∨, т.-е. «видѣлъ», нарочно ставилъ широкой чернильной полосой чуть не во всю страницу и потомъ закрывалъ тетрадку, а въ началѣ слѣдующаго урока, раздавая работы по рукамъ, кидалъ такую подъ столъ, говоря: «а вотъ и твоя тряпка, Шеншинъ».

Такъ какъ директоръ, къ счастію, начиналъ свои уроки съ первыхъ теоремъ Эвклида, то я тотчасъ-же усердно принялся за геометрію, въ которой, какъ и въ алгебрѣ, особенныхъ затрудненій не находилъ. За то уроки исторіи были для меня истиннымъ бѣдствіемъ. Вмѣсто общаго знакомства съ главнѣйшими періодами и событіями, учитель третьяго класса расплывался въ непстощимыхъ подробностяхъ

о Пишшѣ Короткомъ, Карлѣ Лысомъ и Генрихѣ Птицеловѣ, такъ что я наконецъ не умѣлъ различить этихъ скучныхъ людей одного отъ другаго. Къ этому я долженъ, для краткости, присовокупить, что весьма ученый, быть можетъ, преподаватель исторіи во второмъ классѣ, гдѣ я пробылъ два года, буквально изъ году въ годъ, стоя передъ нами и пошатываясь за спинкою стула, вдохновенно повторялъ разсказы о рыжихъ германцахъ, которые на своихъ пирахъ старались отпивать ступеньки лѣстницы, поставленной въ бочку съ пивомъ. Словомъ, самымъ ненавистнымъ для меня предметомъ была исторія. Но такъ какъ провѣрокъ по этому предмету было очень мало и многорѣчивый учитель третьяго класса охотнѣе спрашивалъ наиболѣе внимательныхъ и способныхъ учениковъ, то въ началѣ слѣдующаго года я учительской конференціей, съ директоромъ во главѣ, былъ переведенъ въ виду успѣховъ моихъ въ математикѣ и въ чтеніи Цезаря, во второй классъ, гдѣ пробылъ два года.

Для полноты воспроизведенія устройства школы слѣдуетъ сказать, что ученики перваго класса только частью и предварительно оставались въ нашей первой палатѣ, но приближающіеся къ экзамену въ Дерптскій университетъ перемѣщались въ двѣ большихъ комнаты надъ дортуарами, въ такъ называемый педагогіумъ, находившійся и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи подъ руководствомъ знаменитаго Мортимера. Послѣдній былъ исключительнымъ преподавателемъ исторіи, географіи и древнихъ языковъ, такъ что на долю главнаго математика Гульча доставалось преподаваніе только этой науки. Такъ называемые педагогисты имѣли право сами выбирать время приготовленія уроковъ и одиночныхъ прогулокъ по городу; имъ-же дозволялось куреніе табаку, строго запрещенное всѣмъ прочимъ ученикамъ.

Чѣмъ Мортимеръ былъ для перваго класса, тѣмъ Гульчъ былъ для нашего втораго, съ тою разницей, что онъ, кромѣ главныхъ уроковъ, цѣлый день проводилъ въ нашей первой палатѣ въ качествѣ надзирателя, мѣняясь черезъ день съ французомъ Симономъ.

Обрисовать въ своемъ воспоминаніи почтенную личность Гульча значитъ не только воспроизвести весь второй классъ, но указать отчасти и на тѣ нравственныя складки, которыя сложились въ душѣ моей подъ руками этого незабвеннаго наставника. Это былъ совершенная противоположность моимъ деревяннымъ учителямъ-семинаристамъ. Въ своихъ урокахъ онъ, если можно такъ выразиться, подвигался плечо въ плечо съ ученикомъ, которому считалъ необходимымъ помочь. При отвѣтахъ ученика его не столько раздражало незнаніе, сколько не-

брежность, мѣшавшая логически поискать темно-созпаваемаго отвѣта. Наводя въ такомъ случаѣ ученика на должный отвѣтъ, добродушный Гульчъ не гнушался и школьнымъ прозвищемъ ученика. Такъ весьма способный и прилежный ученикъ Бражъ за свое вертлявое искательство получилъ прозваніе «утинаго хвоста», иные просто называли его «вертуномъ». Убѣждаясь изъ отвѣтовъ, что Бражъ не даетъ себѣ труда сосредоточиться, Гульчъ восклицалъ: «Бражъ, Бражъ, не вертите!» Сочувственная улыбка проносилась по всему классу, и Бражъ, подумавши, давалъ надлежащій отвѣтъ. Гульчъ во всемъ требовалъ систематической и логической отчетливости. Такъ, задавая задачи по задачнику, отъ котораго ключъ былъ только у него, онъ до тѣхъ поръ не допускалъ до новаго вида задачъ, пока ученикъ изъ хорошо усвоенныхъ имъ не разрѣшитъ извѣстнаго числа, напримѣръ пятидесяти, безъ ошибки. Если-бы ученикъ, безошибочно разрѣшивъ 49, случайно ошибся въ 50-й, то весь предварительный его трудъ считался ни во что, и надо было начинать съизнова. Затруднительныя задачи Гульчъ усердно провѣрялъ собственнымъ вычисленіемъ, и въ рабочіе уроки я не могу его себѣ представить иначе, какъ сидящимъ за учительскимъ столомъ съ откинутыми на лысѣющую голову очками, машинально посасывающимъ потухающую фарфоровую трубку съ отливомъ и нагибающимся по близорукости къ бумагѣ или грифельной доскѣ. Въ такія минуты, погруженный въ занятіе, онъ ничего стороннаго не видалъ и не слыхалъ. Шалуны это хорошо знали и пользовались случаемъ развеселить товарищей. На одной сторонѣ книжной полки на гвоздѣ висѣлъ ключъ, въ которомъ всѣ поперемѣнно нуждались, иногда только для того, чтобы безвозбранно покурить табаку. Чтобы уйти изъ палаты, конечно, не во время уроковъ, нужно было сказаться надзирателю. И вотъ тутъ-то опытные шалуны доходили до крайней отваги, громогласно восклицая: «господинъ Гульчъ, могу я уѣхать въ Америку?», разнообразя каждый разъ шутку другими отдаленными пунктами земли.

Не взирая на углубленіе въ занятія, Гульчъ никогда не отказывалъ въ разъясненіяхъ подходящимъ къ нему ученикамъ съ недоумѣніями по поводу приготовленія уроковъ. Подобные вопросы Гульчъ разрѣшалъ съ полной симпатіей и удовольствіемъ. Хотя въ нѣмецкомъ языкѣ существуетъ нѣсколько выраженій, соотвѣтствующихъ словамъ: я думалъ, я предполагалъ, но самое обычное изъ нихъ: я вѣрилъ—ich glaubte. Когда дѣло шло о математическомъ вопросѣ, и ученикъ въ извиненіе ошибки говорилъ: «ich glaubte», Гульчъ не безъ волненія говорилъ: «оставьте вы свою вѣру для чего-либо дру-

гаго, а здѣсь она совершенно неумѣстна. Здѣсь нужно основаніе и выводъ».

Во время рекреаціи Гульчъ разсказывалъ о разныхъ неразрѣшимыхъ математическихъ задачахъ, на разрѣшеніе которыхъ тамъ или сямъ установлены преміи. Такъ говорилъ онъ о милліонной преміи, назначенной англичанами за дѣленіе геометрическимъ путемъ угла на три части. Будучи стрѣлкомъ и ружейнымъ охотникомъ, Гульчъ живо сочувствовалъ красотамъ и особенностямъ природы и однажды пришелъ въ неописанный восторгъ, когда я, умѣвшій нѣсколько рисовать, въ часъ отдохновенія нарисовалъ на память ходившую у насъ въ Новоселкахъ подъ охотникомъ черноморскую лошадь. Глядя на тяжелую горбоносую голову и прямую изъ плечъ съ кадыкомъ шею и крупъ съ выдающимися маслаками, Гульчъ, заливаясь восторженнымъ смѣхомъ, восклицалъ: «да, поистинѣ это Черноморка!».

Однажды, когда, расхохотавшись подобнымъ образомъ, по поводу вновь воспроизведенной мною на доскѣ Черноморки, онъ схватился оставленной имъ въ своей комнатѣ фарфоровой трубки, за которою ему черезъ весь школьный дворъ не хотѣлось идти, я сказалъ: «пожалуйте мнѣ вашъ ключъ; я въ одну минуту сбѣгаю и набью вамъ трубку».

— Пожалуйста, сказалъ онъ, добродушно передавая мнѣ ключъ.

Въ комнатѣ Гульча я изъ только-что начатаго фунтоваго картуза Жукова набилъ предварительно вычищенную мною трубку и, вырубивъ огня, раскурилъ трубку самымъ лакомымъ образомъ. Возвращаясь черезъ дворъ съ пылающей трубкой, я съ такимъ усердіемъ затягивался благовоннымъ дымомъ Жукова, что чуть среди двора не упалъ отъ головокруженія. Тѣмъ не менѣе трубка была доставлена по принадлежности, и Черноморка на классной доскѣ неоднократно доставляла мнѣ удовольствіе затянуться Жуковымъ.

Между тѣмъ, нераздѣлимость угла на три части сильно меня мучила, и, понаторѣвши во всякихъ вспомогательныхъ математическихъ линіяхъ и подходахъ, я однажды пришелъ къ убѣжденію, что задача мною разрѣшена. Надо было видѣть изумленные глаза, съ которыми добрый Гульчъ смотрѣлъ на мой рисунокъ на классной доскѣ.

— Да, воистину (wahrhaftig!), восклицалъ онъ:—онъ разрѣшилъ задачу.

Я стоялъ въ какомъ-то онѣмѣніи восторга, и вдругъ въ классѣ раздался раскатистый добродушный хохотъ Гульча.

— А это что такое? сказалъ онъ, указывая на софистическій пріемъ, лишенный всякаго математическаго основанія.

Фантастическій мыльный пузырь мой исчезъ безслѣдно.

Латинскихъ уроковъ Гульчъ давалъ намъ ежедневно два: утромъ мы читали Ливія и черезъ день переводили изустно съ нѣмецкаго на латинскій, а послѣ обѣда, съ половины пятаго до половины шестаго неизмѣнно читали Энеиду, изъ которой, въ случаѣ плохой подготовки, приходилось учить стихи напзусть.

Со втораго класса прибавлялся ежедневно часъ для греческаго языка съ половины двѣнадцатаго до половины перваго; и если я по этому языку на всю жизнь остался хромъ, то винить могу только собственную неспособность къ языкамъ и, въ видахъ ея, отсутствіе въ школѣ туторства. Вѣдь другіе-же мальчики начинали учиться греческой азбукѣ въ одинъ часъ со мною; и черезъ годъ уже безъ особеннаго затрудненія читали Одиссею, тогда какъ я, не усвоивъ себѣ съ первыхъ поръ основательно производства временъ, вынужденъ былъ довольствоваться сбивчивымъ навыкомъ.

Не меньшее горе испыталъ я съ игрою на фортепіано, которой отецъ положилъ обучать меня, соображая, что въ каждомъ значительномъ домѣ, куда молодому человѣку интересно будетъ войти, есть фортепіано. То, что было у меня и съ другими науками и въ особенности съ греческой грамматикой, случилось и съ музыкой. Учитель наименовалъ мнѣ всѣ семь фортепіанныхъ косточекъ и указалъ соотвѣтственныя имъ пятнышки на дискантныхъ и басовыхъ линейкахъ, и я каждый разъ долженъ былъ находить ноту на фортепіанахъ въ послѣдовательномъ алфавитномъ порядкѣ, отсчитывая соотвѣтственное ей пятно и на печатныхъ нотахъ, такъ какъ не умѣлъ ее назвать ни тамъ, ни сямъ по прямому на нее взгляду. Конечно, такая двойная ежеминутная работа превышала мои силы. Къ этому присовокуплялось еще затрудненіе: одновременный счетъ пятнышекъ басоваго ключа. Не удивительно, что я объявилъ учителю музыки, что въ единовременномъ разыгрываніи скрипичнаго и басоваго ключей вижу невозможное чтеніе двухъ книгъ разомъ. Такъ промучился я съ фортепіанами цѣлый годъ у начальнаго учителя; но, въ виду безуспѣшности моихъ уроковъ, меня передали главному и болѣе строгому учителю музыки. Когда я, развернувъ свои ноты, сѣлъ за фортепіано, учитель спросилъ меня, знаю-ли я ноты? Желая быть правдивымъ, я сказалъ: «не знаю».

— Въ такомъ случаѣ вамъ нечего у меня дѣлать, сказалъ онъ.

Испугавшись дальнѣйшихъ мытарствъ, я сказалъ: «знаю, знаю»,— и сталъ ковылять двухъ-тактный маршъ и не болѣе сложный вальсъ. Съ этой минуты всѣ свои свободные часы я долженъ былъ сидѣть

въ залѣ за однимъ изъ роялей, между прочимъ и съ одиннадцати до половины двѣнадцатаго утра, когда къ спеціальной закускѣ собирались учителя. Но ежедневныя музыкальныя мученія нисколько не подвигали дѣла, и казалось, что, чѣмъ болѣе я повторялъ заученныя по пальцамъ пьесы, тѣмъ чаще пальцы мои сбивались съ толку; такъ что однажды Крюммеръ за завтракомъ при всѣхъ учителяхъ громко черезъ всю залу спросилъ меня: «ты, большунъ,—или это все та-же новая пьеса, которую ты два года играешь?».

Чаша горести перелилась черезъ край: на другой день, набравшись храбрости, я пошелъ въ кабинетъ директора и объявилъ, что готовъ идти въ карцеръ и куда угодно, но только играть больше не буду. Такъ разстались мы навсегда съ богиней музыки, ко взаимному нашему удовольствію.

А. Фетъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ МОИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Продолженіе).

Упомянувъ про незабвеннаго Гульча, не могу не сказать нѣсколько словъ о другомъ надзирателѣ въ нашей первой палатѣ, французѣ Симонѣ, дежурившемъ черезъ день съ Гульчемъ. Насколько добродушный Гульчъ мало думалъ о щегольствѣ, настолько Симонъ представлялъ изъ себя тщательно прибраннаго человѣка среднихъ лѣтъ. Черные какъ смоль волосы его, поднимающіеся дыбомъ, образовали какъ-бы мѣховую шапку на его головѣ; красиво подстриженныя бакенбарды оканчивались густымъ, но тоже подстриженнымъ подбородкомъ. Сюртукъ и остальная часть туалета отличались щегольскимъ покроемъ и безукоризненной чистотой. Не менѣе щеголевато покуривалъ онъ изъ нарядной пѣнковой трубки, не затягиваясь, а выпуская дымъ самыми мелкими клочками. Находясь во время рекреацій въ добромъ расположеніи духа, онъ обращался къ ученикамъ въ дидактическомъ тонѣ, неизмѣнно начинавшемся фразой: «chez nous à Genève...», и вслѣдъ затѣмъ слѣдовало самое невѣроятное хвастовство, такъ что между собою мы его иначе не называли, какъ «chez nous». Принимая въ аллеѣ участіе въ нашей игрѣ въ лапту, онъ старался, по возможности, ловко подбить мячъ и особенно вызывающе крикнуть на бѣгу: «toquez» Но въ минуты раздраженія, подозрѣвая оппозицію, онъ не скупился на выраженія: «grossier» и «gaillard».

Раза два пришлось и мнѣ попадать подъ рѣзкую митральезу этихъ выраженій.

Однажды, когда, вечеромъ, вынесши изъ класснаго чуланчика въ лѣвомъ рукавѣ глиняную стамбулку съ коротенькимъ чубучкомъ, туго набитую Жуковымъ, и вышедши за двери сѣней на морозъ, я вдоволь насладился отчаянными затяжками, я сунулъ снова въ рукавъ докуренную трубку и, чтобы поскорѣе отнести ее на прежнее мѣсто, быстро бросился черезъ сѣни. Но не успѣлъ я растворить дверей,

какъ уже рука Симона крѣпко схватила мою лѣвую, причемъ онъ настойчиво повторялъ: «où est ce que vous avez été? Voyons?»

Я сначала сказалъ было: «nulle part», но, почувствовавъ, что говорю глупость, замолкъ совершенно. Увидавъ въ моемъ молчаніи оппозицію, Симонъ засыпалъ меня словами: «gaillard» и «grossier», подвергая меня притомъ жестокой пыткѣ: раскаленную трубку я вложилъ въ рукавъ такимъ образомъ, чтобы она висѣла въ немъ, не касаясь моего тѣла; если-бы схватившій меня за руку Симонъ охватилъ ее настолько, чтобы пальцы его сомкнулись съ противоположныхъ сторонъ, то онъ тотчасъ-же ощупалъ-бы чубукъ; но такъ какъ, не сближая пальцевъ, онъ плотно притянулъ ими рукавъ къ исподу моей руки, то тѣмъ самымъ припекалъ меня разогрѣвшеюся трубкой. Вынося нестерпимую боль, я, съ одной стороны, вспоминалъ спартанца, заѣденнаго украденною лисицей, а съ другой—даже самого Муція Сцеволу. Такъ я и отдѣлался сильнымъ обжогомъ.

Въ другой разъ, зимою, когда чухонка принесла въ классъ утреннее молоко съ ситнымъ хлѣбомъ, я похвасталъ, что перебѣгу съ нашего параднаго крыльца на уголъ черезъ улицу и принесу кренделей, только-что выпущенныхъ изъ печки Шлейхера.

— И мнѣ, и мнѣ, послышался шепотъ со всѣхъ сторонъ, и каждый совалъ мнѣ въ руку свою долю мѣдяковъ.

Взбѣжавъ по высокому крылечку, я у Шлейхера въ булочной биткомъ нагрузилъ кренделями всѣ карманы моего сѣраго польскаго сюртучка, а также и карманы брюкъ, такъ что, полагаю, по одному взгляду, не говоря объ осязаніи, можно было видѣть, до какой степени я былъ навьюченъ. Перебѣжавъ обратно съ угла на уголъ какихъ-нибудь двадцать шаговъ, я взбѣжалъ на наше парадное крыльцо. Но не успѣлъ я, отворя дверь, вступить въ темный залъ, какъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за руку, и я узналъ голосъ Симона.

— Ah, je le savais bien! D'où venez vous? Tiens, tiens, maintenant je le sais! Allons chez monsieur Crummer.

— Выкладывай свои трофеи, сказалъ Крюммеръ, снимая съ гвоздя ключъ,—и пойдемъ-ка въ карцеръ.

Съ этимъ вмѣстѣ мы отправились въ холодныя переходныя сѣни, и тамъ, отомкнувъ темный чуланъ съ крошечнымъ окошкомъ, сквозь которое никакая голова пролѣзть не могла, директоръ сунулъ меня туда. Въ чуланѣ не оказалось никакой скамейки, на которой можно-бы присѣсть, и такъ какъ туда попадали большею частью ученики меньшихъ классовъ, и никто никогда этого чулана не чистилъ, то, я по-

лагаю, никакія подземныя хивинскія тюрьмы не превзошли-бы неопрятностью этого помѣщенія, предназначеннаго для дѣтей чопорнаго прибалтійскаго дворянства. Къ этому надо присовокупить, что карцеръ, подобно сѣнямъ, былъ нетопленъ, и вода въ немъ застывала. Что-бы сказали объ этомъ теперешніе родители, а въ теченіе трехлѣтняго моего пребыванія въ школѣ среди 70-ти учениковъ не было ни одного смертнаго случая. Да и заболѣванія были весьма рѣдки. Въ школѣ не только не упоминалось слово докторъ, но даже не было помѣщенія, называемаго больницей. Заболѣвающій мальчикъ отправлялся на свою обычную дортуарную койку, и затѣмъ кастелянша мочила ему голову уксусомъ, или давала малины или липоваго цвѣта. Скука въ безлюдномъ дортуарѣ заставляла мальчика при первой возможности бѣжать обратно въ классъ. Такой режимъ по отношенію къ больнымъ напоминаетъ мнѣ эпизодъ болѣзни одного изъ ученѣйшихъ преподавателей заведенія Эйзеншмидта. Услыхавъ, что Эйзеншмидтъ сильно заболѣлъ и лежитъ безъ всякаго призора въ своей комнатѣ, человѣка два-три изъ взрослыхъ товарищей, въ томъ числѣ и я, условились проводить ночи въ его комнатѣ, засыпая на стульяхъ и поперемѣнно бодрствуя. Припоминая безъ того худощаваго Эйзеншмидта во время его болѣзни, продолжавшейся около двухъ недѣль, я полагаю, что у него былъ тифъ. Онъ не только ничего не ѣлъ и не пилъ, но даже не двигался, а только порою раскрывалъ и снова закрывалъ глаза. Конечно, мы пошли караулить его изъ сочувствія; но онъ былъ, подобно большинству нѣмецкихъ учителей, человѣкъ курящій, и стоило первому изъ бодрствующихъ учениковъ набить и слегка закурить его трубку, чтобы затѣмъ трубка эта, переходя изо рта въ ротъ, всю ночь не угасала, вслѣдствіе чего мы всѣ, въ томъ числѣ и бѣдный больной, сидѣли въ двухсаженной въ квадратѣ комнатѣ, накуренной, какъ коптильня.

Стоя на вершинѣ многолѣтія, справедливѣе относишься и къ себѣ, и къ другимъ, видя ясно, что люди въ большей или меньшей степени держатся убѣжденія дикаря, что если онъ украдетъ чужую жену, то это благо, а если у него украдутъ, то это зло. Казалось-бы, мнѣ больше всего надлежало убѣдиться въ несправедливости и безнравственности безпричиннаго приставанія къ слабому. Но и я въ свою очередь не могъ удержаться, чтобы не надоѣсть другому, хотя-бы и не такимъ грубымъ образомъ.

Въ цѣлой школѣ насъ, русскихъ, не слушавшихъ по субботамъ уроковъ лютеранскаго катехизиса, было только пятеро: три Ѳедоровыхъ изъ Петербурга, до невозможности сухощавый Коробицынъ и я.

Въ субботу, въ которую послѣобѣденныхъ занятій не было, мы всѣ пятеро отправлялись черезъ весь городъ въ домъ единственнаго русскаго священника на урокъ Закона Божія. Силуэтъ сухопараго Коробицына до того былъ угловатъ, что я ухитрился собрать на классной доскѣ мѣломъ его образъ изъ треугольниковъ, такъ что большой треугольникъ, сходившій вершиною книзу въ видѣ подбородка, украшался кверху маленькимъ въ видѣ носа. Такими-же удлиненными треугольниками являлись руки и ноги, изъ которыхъ послѣднія стояли на двухъ треугольникахъ въ видѣ сапоговъ. Подъ этимъ изображеніемъ я подписывалъ крупными буквами: «изъ однихъ треугольниковъ состоящій человѣкъ», къ восхищенію класса, восклицавшаго: «Коробицынъ, Коробицынъ».

Чувствомъ козырянія насчетъ ближняго изо всѣхъ выдавался мальчикъ третьей палаты—полякъ Чихоновецкій. Недурной собою, широкоплечій брюнетъ, онъ отличался атласной гладкостью лица и сильнымъ румянцемъ щекъ и даже горбатаго носа. Совершенно чужой въ нашихъ высшихъ палатахъ, онъ, тѣмъ не менѣе, изыскивалъ предлоги и случаи приходить къ намъ, гдѣ его радушно встрѣчали за его льстивость и вкрадчивость.

— Душенька, говорилъ онъ, обращаясь къ кому-либо изъ насъ:— я такъ тебя люблю, ну позволь мнѣ тебя обнять.

При этомъ все лицо его выражало чувство полнѣйшаго умиленія.

— Ну, позволь, продолжалъ онъ,—дать тебѣ только бузю! (Такъ онъ называлъ поцѣлуй). Съ этимъ вмѣстѣ онъ приникалъ атласистой щекой плотно къ щекѣ собесѣдника, который, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ лишался возможности видѣть, что лицо Чихоновецкаго принимало грозный видъ по сосѣдству съ ухомъ избранника. Между тѣмъ Чихоновецкій мгновенно выставлялъ дразнящій языкъ, въ соотвѣтствіе съ приподнятымъ кулакомъ. Нерѣдко такія лобзанія кончались жестокимъ щипкомъ со стороны Чихоновецкаго, мгновенно бѣжавшаго къ двери и исчезавшаго.

Однажды этотъ полячекъ даже заочно сдѣлался предметомъ веселости для класса. Были у насъ два прекрасныхъ ученика Вульфы, изъ которыхъ меньшій, при отличныхъ способностяхъ, отличался упрямствомъ. Обладая прекрасной памятью, онъ былъ постоянно первымъ на первой скамьѣ въ классахъ исторіи и географіи.

— Вульфъ, какъ называется вотъ этотъ городъ? спросилъ однажды Гульчъ, указывая прутикомъ на кружокъ нѣмой карты.

Вульфъ не отвѣтилъ.

— Слѣдующій, сказалъ учитель.

— Чивита-Векія, отвѣчалъ слѣдующій и былъ пересажеиъ на первое мѣсто.

— Вульфъ, какъ называется городъ?

— Чи... чи... Чихоновецкій.

Весь классъ захохоталъ.

— Слѣдующій, какъ называется городъ?

— Чивита-Векія.

— Пересядьте вверхъ.

— Вульфъ, какъ называется городъ?

— Чихоновецкій.

И такъ восьмнадцать разъ, пока Вульфъ, захлебываясь отъ рыданій, со словомъ Чихоновецкій изъ перваго сдѣлался послѣднимъ и затѣмъ, выгнанный за дверь, долженъ былъ выучить тамъ двадцать пять стиховъ изъ Энеиды.

Я уже говорилъ о мѣсячныхъ карманныхъ деньгахъ, но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ упомянуть о классной штрафной книжкѣ, бывшей въ рукахъ у всякаго надзирателя. Въ ней штрафовались не проступки, подвергавшіеся другимъ карамъ, а простыя небрежности и нарушеніе правилъ приличія. За каждое такое нарушеніе, напримѣръ, стояніе или сидѣніе на столѣ, разговоръ въ рекреаціонное время на нѣмецкомъ языкѣ, когда слѣдовало говорить по-французски или по-русски, пролитіе чернилъ и т. д.—слѣдовалъ штрафъ въ размѣрахъ одной копѣйки. Тѣмъ не менѣе изъ такихъ штрафовъ въ теченіе года собиралась достаточная сумма, размѣровъ которой опредѣлить не берусь. Знаю только, что лѣтомъ на прогулкахъ до ближайшей молочной фермы на эти деньги покупались шайки кислаго молока и черный хлѣбъ, которымъ ученики могли лакомиться всласть. Въ городѣ, во время созрѣванія ягодъ, надзиратель платилъ хозяину сада извѣстную сумму изъ этихъ денегъ за право учениковъ щипать ягоды сколько хотятъ.

Троицынъ день у лютеранъ въ особенномъ почетѣ, и, если я не ошибаюсь, въ школѣ онъ праздновался трое сутокъ. Тутъ два младшіе класса подъ предводительствомъ надзирателей уходили на какую-нибудь ближайшую ферму, а намъ, старшимъ, предоставлялось право нанимать верховыхъ лошадей и подъ предводительствомъ надзирателя пускаться въ довольно отдаленныя прогулки.

Такъ однажды, я помню, мы не только добрались до Нейхаузена, съ его историческими развалинами замка, но проѣхали и до Печоръ, гдѣ побывали и въ монастырѣ, и въ прилегающихъ къ нему пеще-

рахъ, углубляющихся въ гору на подобіе кіевскихъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться позднѣе.

Въ пограничной псковской корчмѣ, гдѣ мы давали вздохнуть нашимъ наемнымъ конямъ, мы наткнулись на великорослыхъ русскихъ троечниковъ, везшихъ какой-то товаръ. Обрадовавшись землякамъ, я тотчасъ-же пустился въ разговоры и долженъ былъ въ свою очередь отвѣчать на ихъ вопросы.

— Такъ сами-то вы, добивался мой ражій собесѣдникъ,—какъ сюда зашли?

А затѣмъ, выслушавъ мои объясненія, прибавилъ: «значитъ разными иностранными языками обучаетесь».

Когда мы за Нейхаузеномъ, перешедши черезъ мостикъ, очутились на русской землѣ, я не могъ совладѣть съ закипѣвшимъ у меня въ груди восторгомъ: слѣзъ съ лошади и бросился цѣловать родную землю.

Независимо отъ нашихъ школьныхъ поѣздокъ верхомъ, а для меньшихъ классовъ въ фургонахъ, въ праздники Пятидесятницы на противоположномъ берегу широкаго озера, доходящаго до самаго сада пиколы,—знаменитый нашъ хлѣбникъ Шлейхеръ устраивалъ народное стрѣльбище въ цѣль на призы. Въ хорошую погоду такой городской праздникъ выходилъ великолѣпный; и, конечно, мы, школьники, присутствовали на немъ только въ качествѣ зрителей и усердныхъ покупщиковъ шлейхеровыхъ пряниковъ во всѣхъ видахъ. За-то двое изъ нашихъ учителей, Гульчъ и не менѣе его страстный охотникъ и стрѣлокъ Текстеръ, играли между стрѣлками, соискателями премій, самыя оживленныя роли. Надо было видѣть, съ какимъ тщаніемъ аккуратный Гульчъ приготовлялъ къ стрѣльбѣ въ цѣль свою прекрасную винтовку. Устройство самаго стрѣльбища было очень немногосложно. Передъ широкой палаткой съ развернутыми по направленію къ озеру полами вкопанъ былъ столбъ съ большимъ круглымъ щитомъ, съ концентрическими бѣлыми и черными кругами, посреди которыхъ, въ качествѣ центральной цѣли, вколочена была деревянная пробка, а за этимъ щитомъ, выставленнымъ на берегу озера, въ двухъ-стахъ шагахъ отъ палатки былъ выкопанъ ровъ, за насыпью котораго сидѣлъ маркеръ, забивавшій молоткомъ на длинной рукояткѣ запасный клепышекъ въ пробитую послѣдней пулей дыру въ щитѣ. Когда же стрѣлокъ давалъ полный промахъ по щиту, маркеръ съ насмѣшливыми ужимками махалъ своимъ молоткомъ по воздуху. Хотя каждый стрѣлокъ видѣлъ, въ какой изъ концентрическихъ круговъ онъ попалъ, но въ смыслѣ полученія приза это было безразлично,

такъ какъ состязаніе на призъ возникало только между попавшими въ самую кнопку, которая, пораженная пулей, выбивалась, надписывалась и замѣнялась новою. Степень близости выстрѣловъ къ центру въ послѣдовательномъ порядкѣ опредѣлялась, по окончаніи стрѣльбы, въ самой палаткѣ стрѣлковъ экспертами съ помощью циркуля. Кромѣ собственныхъ штуцеровъ, принадлежавшихъ стрѣлкамъ-любителямъ, въ палаткахъ находились штуцера и заряды, предлагавшіеся Шлейхеромъ, помнится по пяти копѣекъ за выстрѣлъ, независимо отъ права выстрѣлить три раза, стоившаго десять копѣекъ. Подъ покровительствомъ Гульча и я очутился въ числѣ соискателей приза. Призовъ было нѣсколько, начиная съ большаго серебрянаго кубка, дюжины серебряныхъ ложекъ, большаго серебрянаго суповаго ковша до пѣнковой трубки въ серебрѣ. Не мало было наше удивленіе, когда среди стрѣлковъ появился нашъ неуклюжій школьный слуга Мертъ. Подвыпивъ съ пріятелями, онъ со словами: «хоть я и не стрѣляю, но отецъ мой стрѣлялъ, отчего-же и мнѣ не попытать счастья?» отправился въ палатку. Здѣсь, по примѣру другихъ, онъ положилъ наемный штуцеръ на подсошку и выстрѣлилъ. Каково-же было всеобщее изумленіе, когда маркеръ указалъ молоточкомъ на самую середину кнопки. Много пуль выпустилъ затѣмъ восторженный Мертъ, но всѣ онѣ летѣли въ озеро, ни разу не задѣвая щита. По окончаніи стрѣльбища, совершенно охмѣлѣвшій Мертъ оказался царемъ стрѣлковъ и въ этомъ качествѣ требовалъ, чтобы несли его на щитѣ въ палатку, что и было исполнено къ общей веселости.

Заговоривъ о миломъ Гульчѣ въ качествѣ охотника и стрѣлка, не могу не припомнить и другаго учителя охотника, бывшаго кадета и впослѣдствіи отставнаго офицера Текстера. Какъ о преподавателѣ русскаго языка, о немъ не стоило-бы и говорить. Заставляя учениковъ изъ году въ годъ долбить Греча, онъ ничѣмъ не оживлялъ своего преподаванія, и не мудрено, что я нерѣдко былъ изловляемъ имъ и штрафованъ на копѣйку за нѣмецкій разговоръ во время рекреаціи, когда подъ надзоромъ его слѣдовало говорить по-русски. Говорить по-русски съ такими собесѣдниками представляло истинную пытку. Но какъ охотникъ Текстеръ вполнѣ заслуживаетъ быть упомянутымъ. Живо помню его небольшую сухопарую и остроносую фигурку, въ будни въ сѣромъ короткомъ сюртучкѣ, а въ праздникъ въ синемъ фракѣ съ ясными пуговицами, съ неизмѣнно заложеннымъ въ боковой карманъ лѣвымъ рукавомъ, такъ какъ руку эту онъ самъ раздробилъ себѣ, потащивъ за стволъ въ камышѣ ружье, которое и взвелось и выстрѣлило, какъ это нерѣдко въ такихъ случаяхъ бы-

ваетъ. Съ своей потерей лѣвой руки онъ, повидимому, совершенно свыкся, и цѣлый день съ неизмѣнной жадностью затягивался Жуковымъ изъ неугасающей трубки. Порываясь въ праздникъ на цѣлый день на озеро, онъ готовъ былъ отдежурить въ будни вдвое за товарища, снабжающаго его воскреснымъ досугомъ. Такъ какъ предусмотрительный Крюммеръ понемногу скупалъ отдѣльные городскіе домики, сдавая ихъ впослѣдствіи женатымъ учителямъ, то и Текстеръ съ женою и дѣтьми помѣщался въ небольшомъ такомъ домикѣ на самомъ берегу озера. Когда весною вода, прибывавшая съ притоковъ, не успѣвала изливаться въ ниже стоящее озеро, половодье не разъ заставляло семью Текстера выбираться на квартиры къ пріятелямъ. Разсказывали даже, что въ одну весну въ комнаты его жилья забѣжала рыба и, не нашедши обратнаго выхода, обмелѣла на полу.

Рано утромъ, въ воскресенье, Текстеръ, отвязавши свою лодку, клалъ передъ собою на скамейкѣ заряженное ружье и ягташъ съ охотничьими принадлежностями, коробочку съ червями и одну или двѣ удочки. Затѣмъ, прижимая легкое весло верхнимъ концомъ къ груди, онъ ловко гребъ и давалъ желаемое направленіе лодкѣ. Потомъ, отъѣхавъ отъ берега, онъ, насадивъ червяковъ на крючки, забрасывалъ удочки въ воду и втыкалъ удилища въ приготовленныя на бортахъ отверстія; затѣмъ, вынувъ изъ зубовъ неразлучную трубку, онъ тщательно вычищалъ ее, набивалъ табакомъ изъ висящаго на ягташѣ кисета и доставалъ изъ него-же превосходный кремень, трутъ и огромное огниво. Съ этимъ огнивомъ онъ никогда не разлучался, а каждый разъ, чтобы высѣчь огня, зажималъ его между колѣней и, прихвативши кусокъ трута къ острому кремню, проводилъ послѣднимъ по огниву. Такимъ образомъ огонь добывался мгновенно. Запасшись пылающею трубкой, неутомимый Текстеръ укладывалъ все на прежнее мѣсто, снова брался за весло и направлялъ лодку въ камыши, гдѣ надѣялся подкараулить неосторожную утку или поживиться болѣе крупною рыбой.

Однажды зимою въ нашей школѣ появился толстоватый и неуклюжій на видъ пожилой человѣкъ, приведшій чернаго, кудряваго и высокорослаго сына совершенно цыганскаго типа, но, какъ оказалось, получавшаго до 15-ти лѣтъ воспитаніе въ Швейцаріи и говорившаго только гнусливымъ и мало понятнымъ французскимъ языкомъ. У насъ онъ поступилъ, не смотря на свой ростъ, въ меньшой классъ. Фамилія его была Воейковъ. Услыхавъ, что я русскій, старикъ Воейковъ, проживши въ гостинницѣ около недѣли, выпросилъ у Крюммера позволеніе взять меня вмѣстѣ съ сыномъ своимъ къ себѣ на воскресенье.

Я забылъ сказать, что по рукописной книгѣ Борисовской библіотеки, я дома познакомился съ большинствомъ первоклассныхъ и второстепенныхъ русскихъ поэтовъ, отъ Хераскова до Акимова включительно, и помнилъ стихи, наиболѣе мнѣ понравившіеся. Я замѣтилъ, что грубоватому Воейкову было пріятно, что я помнилъ много куплетовъ изъ его «Сумасшедшаго дома». Просилъ онъ меня принять участіе въ его сынѣ, но участіе мое ни къ чему не повело: молодой Воейковъ не оказывалъ никакихъ успѣховъ ни по части общежительности и дружбы, ни по части наукъ. Кажется, въ теченіе того-же года отецъ взялъ его изъ школы, и дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Мое качество кореннаго русскаго обратило на себя вниманіе лифляндскаго помѣщика испанскаго происхожденія, Перейры, но обрусѣвшаго въ русской артиллеріи, въ которой, достигнувъ чина полковника, онъ женился на весьма милой дочери лифляндскаго богача Вульфа, обладавшаго, какъ мнѣ говорилъ самъ директоръ Крюммеръ, 360-ю большихъ и малыхъ имѣній и фольварковъ. Отставной артиллерійскій полковникъ Перейра получилъ за женою въ приданое прекрасное имѣніе и прижилъ съ нею двухъ дѣтей: мальчика Альфонса и дѣвочку, носившую имя матери—Елизавету. Молодой Перейра, малый моихъ лѣтъ, былъ во второй палатѣ и никакъ не выше третьяго класса, но зато отличался всякаго рода шалостями и непокорствомъ. Считая, вѣроятно, для сына, предназначаемаго въ военную службу, мое товарищество полезнымъ, хотя-бы въ видахъ практики въ русскомъ языкѣ, полковникъ сперва упросилъ Крюммера отпускать меня въ гостинницу въ дни, когда самъ пріѣзжалъ и бралъ къ себѣ сына, а затѣмъ, узнавши, что изо всей школы на время двухъ-мѣсячныхъ каникулъ, я одинъ останусь въ ней по отдаленности моихъ родителей, онъ упросилъ Крюммера отпустить меня къ нимъ вмѣстѣ съ сыномъ. Полковникъ Перейра, оказалось, былъ человѣкъ зажиточный, содержавшій имѣніе и домъ, при помощи привѣтливой и красивой блондинки жены, въ примѣрномъ порядкѣ. Мы съ Альфонсомъ пользовались полною свободой, но причудамъ послѣдняго и шалостямъ представлялось въ имѣніи отца слишкомъ тѣсное поприще, такъ какъ всякая изъ выходокъ могла дойти до отца, который, поставляя меня въ примѣръ благонравія, не щадилъ сына рѣзкими замѣчаніями. За неимѣніемъ лучшаго развлеченія, Альфонсъ забавлялся преслѣдованіемъ своей милой сестры, гонялся за нею и нещадно теребилъ ея прекрасныя свѣтлорусыя косы. Бѣдная дѣвочка кричала и плакала; на голосъ ея выходила мать и останавливала шалуна, но, по уходѣ

ея, преслѣдованія сестры начинались снова, такъ что я нерѣдко вступался за дѣвочку. За-то, когда насъ привозили по сосѣдству въ знаменитое имѣніе Сербигаль къ богатому дѣду Альфонса Вульфу, проказамъ и своеволію мальчика не было границъ. Престарѣлые дѣдъ и бабка души не чаяли въ ненаглядномъ внукѣ; онъ это зналъ и распоряжался въ домѣ, какъ баши-бузукъ. Хотѣлось-ли ему сластей Люнеля или дорогаго рейнвейна, онъ выжидалъ минуты, когда ключница шла въ кладовую и въ погребъ; тамъ онъ, насыпавши полные карманы изюму, миндалю и чернослиу, вырывалъ у нея изъ рукъ бутылки съ дорогимъ виномъ, и, когда та начинала ворчать: «но господинъ Перейра, какъ-же это можно?» онъ кричалъ ей: «убирайтесь вы! какъ это глупо такъ приставать къ людямъ!»

Случилось однажды, что въ богатомъ Сербигалѣ, когда туда собрались наши товарищи, дѣти окрестныхъ помѣщиковъ, пріѣхалъ и Крюммеръ, пользовавшійся въ краѣ всеобщимъ уваженіемъ. Въ видѣ особаго почета, онъ былъ помѣщенъ въ аппартаментахъ самого хозяина, и поэтому веселое общество, собравшееся у насъ въ номерахъ мужскаго отдѣленія, напоминавшаго корридоромъ и рядомъ отдѣльныхъ комнатъ прекрасно устроенную гостинницу, чувствовало себя совершенно свободнымъ. Альфонсъ на этотъ разъ превзошелъ самого себя въ обильномъ снабженіи насъ всевозможнымъ продовольствіемъ. Отворенныя двери нѣсколькихъ номеровъ представляли амфиладу общихъ комнатъ, на столахъ которыхъ среди всякихъ бутылокъ появились всевозможныя сласти, а на одномъ запасы дѣдовскаго табаку и дорогихъ сигаръ, вслѣдствіе чего комнаты оказались накуренными, какъ коптильня, и въ довершеніе всего по распечатаніи новыхъ картъ, на ломберныхъ столахъ завязалась карточная игра, въ которой я, впрочемъ, не принималъ никакого участія. Разгоряченные рейнвейномъ, всѣ болтали, шумѣли за полночь, почти не слушая другъ друга, и вдругъ все умолкло и замерло: въ дверяхъ, въ красномъ халатѣ и туфляхъ, съ дымящейся пѣнковой трубкой въ рукахъ, стоялъ Крюммеръ. Злополучныя карты полетѣли подъ столъ, но не ускользнули отъ взгляда педагога. Черезъ четверть часа по уходѣ посѣтителя, мы потушили свѣчи и лежали по своимъ кроватямъ.

Передъ возвращеніемъ въ школу, мы поѣхали благодарить стариковъ Вульфовъ за ихъ гостепріимство. Старикъ принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ, а про хозяйку намъ сказали, что она занята на кухнѣ; мы оба сошли на кухню и тамъ у горячей плиты застали баронессу въ ея неизмѣнномъ кружевномъ бѣломъ чепцѣ, стоящую съ

засученными рукавами надъ тазикомъ и мѣшающую варенье, какъ это дѣлаютъ въ Балтійскихъ провинціяхъ.

Вѣроятно, наша ночная оргія въ Сербигалѣ сильно не понравилась отцу Перейры, который, должно быть, пришелъ къ заключенію, что мое товарищество мало способствуетъ нравственному воспитанію Альфонса. Перейры болѣе не брали меня къ себѣ на каникулы и, оставаясь одинъ въ громадной пустой школѣ и пустомъ для меня городѣ, я слонялся безцѣльно цѣлый день, напоминая болѣе всего собаку, потерявшую хозяина. Къ счастью моему, добрый Гульчъ женился на очень милой дѣвушкѣ, и я хотя изрѣдка заходилъ въ ихъ небольшой домикъ. Раза два я увязывался даже съ Гульчемъ на болотную охоту, причемъ городской его товарищъ по охотѣ любезно снабжалъ меня двухствольнымъ ружьемъ и патронташемъ. Въ первый разъ я лихо срѣзалъ первымъ выстрѣломъ взлетѣвшаго передо мною бекаса, но затѣмъ промахъ слѣдовалъ за промахомъ. Въ слѣдующій разъ, когда, уставши равняться со старыми охотниками, я поставилъ кремневую двухстволку со взведенными курками прикладомъ на ягташъ, прикладъ, неожиданно соскочивъ, заставилъ меня внезапно сжать шейку ружья; палецъ мой попалъ на лѣвую собачку, и раздался никѣмъ не ожидаемый выстрѣлъ. Мнѣ было совѣстно и больно на обожженной правой щекѣ.

— Что такое? что такое? спрашивали оба мои товарищи, между которыми я шелъ, и вдругъ Гульчъ, взглянувъ на меня, разразился гомерическимъ смѣхомъ: правая щека моя представляла подбородокъ негра. При вспышкѣ полка, находящаяся прямо противъ правой щеки, закоптила послѣднюю и глубоко загнала въ нее пороховыя зерна.

На другой день Крюммеръ, увидавши на полу моей классной, около умывальника, громадную дохлую крысу, спросилъ: «это, должно быть, та дичина, которую ты вчера застрѣлилъ?»

Чтобы не остаться татуированнымъ на всю жизнь, я вынужденъ былъ иглою выковыривать засѣвшія въ щеку порошинки.

Вслѣдствіе неудачи, я опять пошелъ по цѣлымъ днямъ безцѣльно и тоскливо слоняться по городу, причемъ щеголялъ пестрымъ бухарскимъ архалукомъ, купленнымъ мною, по примѣру одного изъ франтоватыхъ товарищей, у проѣзжаго татарина.

Зачастую я заходилъ въ главную овощную лавку на большой улицѣ, куда и въ учебное время на классныхъ прогулкахъ надзиратели позволяли намъ забѣгать на минутку за какой-либо мелочью. Именинники наканунѣ забѣгали туда купить фунтъ или два шеколаду плитками,

который сдавали экономкѣ, прося ее угостить на другой день классъ шеколадомъ, свареннымъ на обычной порціи молока.

Сидѣльцы лавки были чрезвычайно къ намъ, школьникамъ, предупредительны. И когда я отъ нечего дѣлать ходилъ болтать съ ними, то нерѣдко находилъ ихъ забавляющимися надъ лохматыми чухнами, выпрашивающими себѣ въ даръ изъ бочки копѣечную селедку. Кромѣ самыхъ необходимыхъ словъ, я никогда не понималъ ни слова по-чухонски, тѣмъ болѣе въ громогласной болтовнѣ по поводу селедки.

— Зачѣмъ вы рубите топоромъ селедку на двое? спросилъ я сидѣльца.

— А затѣмъ, что ихъ двое, и если хотите, я сейчасъ устрою потѣху: вцѣпятся другъ другу въ волосы и исцарапаются до крови, стоитъ только имъ подарить цѣльную селедку на двоихъ.

Конечно, я просилъ этого не дѣлать. Не разъ, желая показать себя взрослымъ, я требовалъ, вмѣсто пряниковъ и шеколада, бутылку Мозельвейна. При этомъ услужливый сидѣлецъ говорилъ: «Здѣсь, за прилавкомъ, вамъ неудобно будетъ, а не пожалуете-ли въ каморку? тамъ и столикъ, и стулья, и диванчикъ. Можно подать вамъ и кусочекъ колбаски, недавно получили, самая свѣжая».

— Я собираюсь проѣхать въ Петербургъ, сказалъ мнѣ однажды Крюммеръ: — не хочешь-ли проѣхаться со мною на половинныхъ издержкахъ?

Не зная, что это будетъ стоить, я съ радостью согласился. Мы сѣли въ рессорную бричку, номѣстивши въ ноги два небольшихъ чемодана, и отправились въ путь на почтовыхъ. Однажды мы уже ѣздили такимъ образомъ съ Крюммеромъ въ Дерптъ, на его парѣ лошадей, заѣзжая по дорогѣ къ знакомымъ помѣщикамъ.

Не буду описывать нашей петербургской поѣздки, потому что меня ничего не поражало и ничто не останавливало моего вниманія. Помню только, что директоръ всюду возилъ меня съ собою, и я, не взирая на все мое къ нему уваженіе, ребячески хохоталъ надъ его выраженіями на русскомъ языкѣ.

Мы оба не знали топографіи Петербурга.

Однажды, когда Крюммеру показалось, что плохенькій извозчикъ для своей выгоды возитъ насъ въ объѣзды, онъ вдругъ закричалъ на возницу: «ти, дуракъ, ти хочешь накожа» (du willst auf's Fell haben; смыслъ: у тебя шкура чешется); «ти насъ гуляешь. Чему-же ты хохочешь? обратился онъ ко мнѣ:—это и неприлично, и глупо».

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ я, задыхаясь отъ смѣха.

Въ Кронштадтѣ, указывая на тушу черкасскаго вола, Крюммеръ

спросилъ мясника: «какъ онъ труденъ (schwer)?» Замѣчательно, что мясникъ тотчасъ понялъ вопросъ и отвѣчалъ: «пудовъ тридцать».

Но вотъ съ окончаніемъ каникулъ наступила и вторая половина семестра, вѣнчающагося для лучшихъ учениковъ переходомъ въ высшій классъ. Каждый разъ передъ концомъ семестра и роспускомъ учениковъ къ родителямъ, Крюммеръ, послѣ молитвеннаго пѣнія подъ органъ, говорилъ напутственную рѣчь, изъ которыхъ одна запечатлѣлась въ моей памяти. Смыслъ ея былъ, приблизительно, таковъ: «Мои милые! (meine lieben!) родители ваши помѣстили васъ сюда въ надеждѣ, что въ своей школѣ я снабжу васъ свѣдѣніями, необходимыми для образованнаго человѣка. При настоящемъ возвращеніи вашемъ подъ домашній кровъ, родители въ правѣ спросить, въ какой мѣрѣ вы воспользовались годичнымъ срокомъ для преуспѣянія, и насколько я исполнилъ долгъ свой, сообщая вамъ эти свѣдѣнія? Конечно, способы сообщенія свѣдѣній могутъ быть, подобно всякимъ инымъ усиліямъ, добросовѣстны и умѣлы, или, напротивъ, небрежны и неудовлетворительны; но люди, помышляющіе только о вашихъ успѣхахъ, могли-бы отчасти смотрѣть на меня, какъ на человѣка, обладающаго возможностью, помимо всякихъ съ вашей стороны трудовъ, влить вамъ въ голову надлежащія свѣдѣнія. Не буду говорить, что послѣдняго я сдѣлать не могу; но скажу, что если-бы могъ, то и тогда-бы не дѣлалъ, такъ какъ главное значеніе школы въ моихъ глазахъ не тѣ или другія свѣдѣнія, которыя сами по себѣ большею частію являются совершенно безполезными въ жизни, а въ привычкѣ къ умственному труду и способности въ разнообразіи жизненныхъ явленій останавливаться на самыхъ въ данномъ отношеніи существенныхъ. Такой умственной зрѣлости возможно достигнуть только постепеннымъ упражненіемъ въ логическомъ пониманіи вещей,—пониманіи, въ которомъ небрежный пропускъ одного связующаго звена дѣлаетъ всю дальнѣйшую работу несостоятельной. Я, какъ вы знаете, ничего не имѣю противъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ памятью. Всѣ географическія нѣмыя карты въ нашей школѣ составлены и изданы мною, между тѣмъ исторія и географія составляютъ только богатство памяти, тогда какъ упражнять разумъ для будущаго правильнаго мышленія можно только надъ математикой и древними языками».

Мнѣ доходилъ 17-й годъ, и я разсчитывалъ попасть въ первый классъ, такъ какъ въ изустныхъ и письменныхъ переводахъ съ нѣмецкаго на латинскій и въ классѣ Энеиды, равно какъ и на урокахъ математики и физики я большею частію занималъ второе мѣсто и нерѣдко попадалъ на первое. Нѣмецкими сочиненіями моими учи-

тель былъ весьма доволенъ и ставилъ ихъ въ примѣръ прочимъ ученикамъ нѣмцамъ. При этомъ не могу не вспомнить о русскихъ стихотворныхъ потугахъ, иногда овладѣвавшихъ мною при совершенно неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ тихія минуты полной беззаботности я какъ будто чувствовалъ подводное вращеніе цвѣточныхъ спиралей, стремящихся вынести цвѣтокъ на поверхность; но въ концѣ-концовъ оказывалось, что стремились наружу однѣ спирали стеблей, на которыхъ никакихъ цвѣтовъ не было. Я чертилъ на своей аспидной доскѣ какіе-то стихи и снова стиралъ ихъ, находя ихъ безсодержательными. Любившій надо мною подтрунивать Крюммеръ говорилъ въ моемъ присутствіи кому-то, чуть-ли не полковнику Перейрѣ, будто я пишу на аспидной доскѣ стихи извѣстныхъ русскихъ поэтовъ и потомъ выдаю ихъ за свои. А между тѣмъ удивительно, что Крюммеръ могъ говорить о моихъ мараніяхъ стиховъ, такъ какъ я ихъ никому не показывалъ.

Вдругъ въ концѣ декабря совершенно для меня нежданно явился отецъ, сказавши, что рѣшено не оставлять меня въ такомъ отдаленіи отъ родныхъ, а везти въ Москву для приготовленія въ университетъ.

— А ну, сыграй-ка на фортепьяно, сказалъ отецъ, когда я пришелъ къ нему въ гостинницу.

Я вынужденъ былъ разсказать о случившемся, къ немалому неудовольствію отца.

На другой день мы были уже въ кибиткѣ и черезъ Петербургъ доѣхали въ Москву. Здѣсь, по совѣту Новосильцева, я отданъ былъ для приготовленія къ университету къ профессору Московскаго университета, знаменитому историку М. П. Погодину.

А. Фетъ.

(Продолженіе будетъ).

количествомъ верблюдовъ у своего отца. О, какъ премудры современные педагоги, толкующіе о непосильности древнихъ языковъ для своихъ воспитанниковъ. Ничего страннѣе и несообразнѣе не могло быть Тындосева, держащаго въ рукахъ латинскій словарь и Корнелія Непота! Совершенный верблюдъ, читающій по-латыни. Конечно, далѣе покупки блестящей иммермановской шляпы къ Святой образованіе его идти не могло.

Но главнымъ махровымъ цвѣткомъ небольшаго букета былъ широкоплечій, мелкокудрявый Варпановъ. Чистяковъ любилъ разсказывать о погодинскомъ ученикѣ Ниротворцевѣ, котораго я уже не засталъ. У этого Ниротворцева была французская сабля его отца, которую въ рѣшающія минуты жизни онъ требовалъ у своего крѣпостнаго Филиппа, говоря: «Филиппъ, дай французскую». Чаще всего онъ требовалъ французскую по отношенію къ Варпанову. Такъ, напримѣръ, въ глубокую осень, когда погодинскій прудъ покрывался тонкимъ льдомъ, не могущимъ еще держать человѣка, Ниротворцевъ пускалъ по льду на середину пруда палку и кричалъ: «Варпановъ, пиль апортъ!» Понятно, что послѣднему не хотѣлось, проламывая ледъ, лѣзть по горло въ прудъ за палкой. Но тогда раздавалось категорически: «Филиппъ, французскую!», и послѣ двухъ-трехъ фухтелей по спинѣ Варпанова, послѣдній со слезами на глазахъ шелъ въ прудъ и приносилъ палку. Но за то самъ Варпановъ зачастую проявлялъ стремленіе къ своеобразной игривости и шуткамъ, носившимъ какой-то телячій оттѣнокъ. Пуще всѣхъ доставалось отъ него опрятно одѣтому съ сильной просѣдью и золотою сережкой въ ухѣ Рудольфу Ивановичу, любившему поддержать свое достоинство нѣмецкими фразами.

— Господа, дружнѣе подходите къ супу, кушанье стынетъ. Господинъ Вернеръ, вы вашими разговорами мѣшаете другимъ заниматься.

На это Варпановъ, оскаливая зубы и встряхивая кудрявой головой, съ убѣжденіемъ восклицалъ: «Рудошка! зачѣмъ обнимаешь Марѳу?» На что Рудольфъ Ивановичъ, всплеснувъ руками, отвѣчалъ: «Ахъ, Herr Варпановъ, какія вы слова говорите!»

Человѣкъ, пустившій въ ходъ пословицу: «каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку», могъ-бы не на одномъ Д—вѣ провѣрить справедливость мысли о безплодности увѣщаній по отношенію къ врожденнымъ наклонностямъ. Напрасно, напримѣръ, Погодинъ безцеремонно выговаривалъ Агрѳфенѣ Михайловнѣ, во-первыхъ, ея грязную скупость, а, во-вторыхъ, непрошенныя вмѣшательства въ порядки его кабинета. Кто бывалъ въ этомъ кабинетѣ до продажи Михаиломъ Петровичемъ

своего собранія въ казну и даже послѣ этой продажи, помнитъ невообразимый хаосъ, представлявшійся въ комнатѣ глазамъ непосвященнаго. Тутъ всевозможныя старинныя книги лежали грудами на полу, а на орѣховыхъ столахъ громадныя каменныя глыбы съ татарскими и сибирскими надписями, не говоря уже о сотняхъ рукописей съ начатыми работами, мѣста которыхъ, равно какъ и ассигнацій, запрятанныхъ по разнымъ книгамъ, зналъ только ученый историографъ. Но стоило Михаилу Петровичу куда-либо уѣхать, какъ, не взирая на увѣщанія первой его жены, прелестной и образованной блондинки Елизаветы Васильевны, ретивая Аграфена Михайловна принималась приводить въ порядокъ кабинетъ сына, обметая вездѣ пыль и вводя симметрію.

— Вотъ, Мишенька, я таки твой кабинетъ привела въ порядокъ.

Тутъ отчаянію Михаила Петровича не было границъ.

— Помилуйте, маменька! вы произвели величайшій безпорядокъ, который я и въ полгода не исправлю.

Разъ, наскучивъ за ужиномъ иеизмѣннымъ картофелемъ, школьники сказали горничной Аграфены Михайловны, косоглазой Пелагеѣ: «Скажи своей Аграфенѣ Михайловнѣ, что если на ужинъ будетъ опять картофель, то мы его въ вазу покидаемъ» (подразумѣвая мраморную на лужайкѣ).

Конечно, Пелагея передала эти слова своей госпожѣ; но, вѣроятно, незнакомая со словомъ ваза, сказала: «въ васъ покидаютъ». Такого непочтенія Аграфена Михайловна не вынесла и пошла жаловаться Михаилу Петровичу: «Мишенька, твои мальчики собираются кидать въ меня картофелемъ».

— Вотъ видите, маменька, до чего доводитъ васъ ваша скупость. Нельзя мальчиковъ морить голодомъ.

Но такое увѣщаніе осталось безплоднымъ.

Однажды, когда мы всѣ сидѣли за ужиномъ, отворилась дверь, и вошелъ Михаилъ Петровичъ, оставшійся недовольнымъ нашимъ продовольствіемъ.

— Скажи сейчасъ, грозно крикнулъ онъ слугѣ,—чтобы сварили побольше хоть молочной каши и подали.

Не знаю, какое неблагопріятное извѣстіе сообщилъ Рудольфъ Ивановичъ по поводу ужинавшаго съ нами Д — ва. Помню только, что въ то время, когда принесли огромное блюдо каши, которая стала переходить на тарелки ужинающихъ, Погодинъ разразился противъ стоящаго передъ нимъ Д—ва цѣлою бурей упрековъ. «А, ты опять! Мальчишка! третьяго дня я бранилъ тебя насколько могъ! Я думалъ—

говорилъ, задыхаясь, Михаилъ Петровичъ—что слова мои должны тремя стрѣлами пронзить тебя!»

При этомъ гнѣвный ораторъ, подогнувъ два послѣднихъ пальца правой руки и выставивъ впередъ три первыхъ, съ размаху ткнулъ ими Д—ва въ грудь.

Движеніе это вышло настолько-же неожиданно, какъ и комично. Но смѣяться никто не дерзалъ. Случайно я взглянулъ на Чистякова, сидѣвшаго на противоположномъ отъ меня концѣ стола противъ Тындоева. Не ожидая трехъ стрѣлъ, выскочившихъ изъ рукава Погодина, Чистяковъ набралъ полный ротъ горячей каши. Но смѣхъ не дозволялъ ему проглотить ее; я видѣлъ поперемѣнное вздрагиваніе и распуханіе его щекъ, и вдругъ каша, бѣлою струей вырываясь у него изо рту, обдала лицо не ожидавшаго такого сюрприза Тындоева. Тогда никто уже не могъ удержаться отъ хохота.

— Вѣдь вотъ! гнѣвно обратился къ Чистякову Погодинъ:—мнѣ-бы слѣдовало наброситься съ него да на васъ! Вмѣсто того, чтобы плакать о негодяѣ товарищѣ, вы хохочете. Это вамъ не дѣлаетъ чести.

Была зимняя лунная ночь, и не знаю, кому изъ молодой колоніи пришла съ вечера мысль попугать Рудольфа Ивановича. Въ полночь всѣ мы, захвативши свои простыни, собрались въ большой нетопленой залѣ налѣво съ площадки Рудольфа Ивановича. Безшумно войдя, мы при лунномъ свѣтѣ разстановились кругомъ стѣнъ, придерживая поднятыми надъ головой руками покрывавшія насъ простыни, причемъ видимый ростъ каждаго увеличивался почти на аршинъ. По данному знаку всѣ разомъ испустили самый пронзительный крикъ, который, сливаясь въ общемъ хорѣ, представлялъ какую-то дикую какофонію. Ярый крикъ продолжался до тѣхъ поръ, пока дверь съ площадки не отворилась и не появился Рудольфъ Ивановичъ въ халатѣ со свѣчею въ рукахъ и блѣдный какъ смерть. Крики умолкли для того, чтобы онъ не могъ распознать голосовъ; но за то, по предварительному соглашенію, всѣ стали понемногу, повидимому, проваливаться сквозь землю, сперва опуская приподнятыя руки, а затѣмъ становясь на колѣни и окончательно безшумно садясь на полъ. Но такъ какъ проваливаться далѣе было нельзя, то всѣ разразились отчаяннымъ смѣхомъ, убѣждая Рудольфа Ивановича, что передъ нимъ живые школьники, а не привидѣнія.

— Господа! воскликнулъ онъ: — ахъ, Gott und Vater! Марья Ивановна вскочила, Машенька schreit, Марѳа дѣлаетъ: пшш-пшш! Господи! Господи!

И всѣ мы гурьбою отправляемся спать.

*

Между учителями, дававшими уроки у Погодина, общей любовью пользовался магистръ математики П. П. Хилковъ, чуть-ли что не одолженный своимъ образованіемъ Погодину и потому питавшій къ нему безграничное сыновнее почтеніе и страхъ. Не смотря на свое пристрастіе къ модному платью и дорогимъ духамъ, Павелъ Павловичъ былъ весь дѣвичья скромность, начиная съ шепеляво-мягкой рѣчи, въ родѣ: «ахъ-сь, помилуйте-сь, какъ-зе-сь, мозно-сь», причемъ малѣйшій намекъ на что-либо, говорящее въ его пользу, приводилъ его въ смущеніе и краску. Конечно, эта слабость не пропила у мальчишекъ незамѣченной, и не только они, но, помню, даже, что и я не упускалъ случая потѣшиться надъ смущеніемъ Павла Павловича. Тогда была мода на дорогіе индѣйскіе фуляры, и когда, бывало, Павелъ Павловичъ доставалъ свой, чтобы отереть съ пальцевъ мѣлъ, которымъ писалъ на доскѣ, и въ комнатѣ разносился сильнѣйшій запахъ англійскихъ духовъ, мы поперемѣнно восклицали: «Павелъ Павловичъ, приходится васъ поздравить».

— Съ цѣмъ-съ, госьпода-сь? недоумѣвая спрашивалъ Павелъ Павловичъ.

— Какъ-же, Павелъ Павловичъ, вы такъ разодѣты, надушены, что навѣрное вы женихъ, и навѣрное прямо отсюда поѣдете къ невѣстѣ.

— Ахъ-сь! ахъ-сь! восклицалъ Павелъ Павловичъ, испуганно похихикивая:—госьпода-сь, Михаль Петловичь!

Конечно, вслѣдствіе краски стыда, разливавшейся по лицу Павла Павловича, увѣренія въ предстоящей свадьбѣ удвоялись со всѣхъ сторонъ, къ великому мученію Павла Павловича.

Однажды, когда онъ усердно чертилъ на доскѣ фигуры и уравненія, сидящіе въ глубинѣ комнаты Вегнеры до того накурили, что весь классъ съ Павломъ Павловичемъ вмѣстѣ плавалъ въ сизомъ туманѣ. Вдругъ дверь изъ корридора распахнулась, и на порогѣ въ полной парадной формѣ показался Михаилъ Петровичъ, собравшійся на какое-то засѣданіе или молебствіе съ графомъ Строгановымъ во главѣ. Надо прибавить, что Погодинъ не выносилъ табачнаго дыма.

— А... а... а!.. кричалъ онъ, втягивая въ себя воздухъ для громогласной ругани; но вмѣсто словъ, онъ разразился страшными чиханіями.

— Здлявія зеляю! воскликнулъ, смиренно изгибаясь, Хилковъ.

— У... у... у... а... а... а... чхи!

— Здлявія зеляю!

Еще и еще разъ грозное: у... у..., прерываемое чиханіемъ и увѣнчанное: «здлявія зеляю!»

— Да не здравія желаю! а посмотри, что у тебя мальчишки дѣлаютъ! прокричалъ наконецъ Погодинъ, захлопывая за собою дверь.

— Вотъ-сь, госьпода-сь, говолилъ я-сь: Михаль Петловичь; вотъ онъ Михаль Петловичь и есть.

Послѣднимъ надворнымъ строеніемъ обширной погодинской дачи былъ деревянный флигель на углу Дѣвичьяго поля и переулка къ Саввѣ Освященному. Во флигелѣ этомъ помѣщался мѣщанинъ, отдѣлившій въ немъ помѣщеніе для мелочной лавки.

Я не помню, чтобы намъ во флигелѣ или ученикамъ въ домѣ подавался завтракъ; поэтому не удивительно, что кромѣ чубуковъ, трубокъ и табаку мы посылали въ мелочную лавку къ сыну торговца Николаю или, какъ мы называли его, Николашкѣ также за незатѣйливыми съѣстными припасами: калачами, дешевой паюсной икрой, колбасою и медомъ. Не разъ приходившій къ намъ въ комнату съ просьбою дать затянуться изъ трубочки Варпановъ приносилъ вѣсть, что Вегнеры кутятъ: купили калачей и, положа ихъ на плечо, расхаживаютъ по комнатѣ, протестуя противъ Аграфены Михайловны и намѣреваясь съѣсть калачи съ покупнымъ медомъ.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ того-же протеста, я однажды разразился сатирическимъ стихотвореніемъ на Аграфену Михайловну, въ которомъ былъ куплетъ:

Нѣтъ, сколько козней ты ни крой,
Я твоего не слышу бреда;
Пошлю я въ лавку за икрой
И ждать не стану до обѣда.

Помнится, каждый четвергъ родители Чистякова присылали ему со слугою большую кулебяку, преимущественно съ кашей. Кулебяку эту на блюдѣ, завязанномъ въ салфетку, слуга Чистякова приносилъ на головѣ черезъ Крымскій мостъ изъ-за Москвы-рѣки. Однажды, когда мы съ Чистяковымъ присѣли къ теплой еще кулебякѣ, дверь отворилась и вошелъ Погодинъ.

— Вотъ какое пированіе! воскликнулъ онъ и, пожелавъ добраго аппетита, ушелъ.

Однажды Погодинъ, внезапно захвативши у насъ одного изъ Вегнеровъ курящимъ и, выхвативъ у него мой длинный и превосходный черешневый чубукъ, загундосилъ въ носъ прерывающимся отъ негодованія голосомъ: «Мальчишка! поганецъ! мерзавецъ!»—и удары чубукомъ слѣдовали по спинѣ убѣгающаго Вегнера, и, когда тотъ скрылся

за растворенною настежь дверью, Погодинъ въ раздраженіи бросилъ чубукъ на порогъ и каблукомъ переломилъ его; затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «это, почтеннѣйшій, будетъ вамъ урокомъ не дозволять поганымъ мальчишкамъ курить у себя».

Не однимъ примѣромъ долбленія служилъ для меня, провинціальнаго затворника, бывалый въ своемъ родѣ Чистяковъ. При его помощи я скоро познакомился въ Зубовскомъ трактирѣ съ цыганскимъ хоромъ, гдѣ я увлекся красивою цыганкой. Замѣтивъ, что у меня водятся карманныя деньжонки, цыгане заставляли меня платить имъ за пѣсни и угощать ихъ то тѣмъ, то другимъ. Такое увлеченіе привело меня не только къ растратѣ всѣхъ наличныхъ денегъ, но и къ распродажѣ всего излишняго платья, начиная съ енотовой шубки до фрачной пары. При этомъ дѣло иногда не обходилось безъ пьянства почти до безчувствія. Надо сказать, что окно наше было окружено съ обѣихъ сторонъ колоннами, опиравшимися на высокій каменный цоколь, поднимавшійся аршина на два съ половиною отъ земли. Окно съ вечера запиралось ставнями съ Дѣвичьяго поля. Выходить ночью изъ нашего флигеля можно было не иначе, какъ по стеклянной галлереѣ дома черезъ парадную дверь. Поднимать подобный шумъ, тѣмъ болѣе лѣтомъ, было немыслимо, такъ какъ Михаилъ Петровичъ, работая въ кабинетѣ нерѣдко за полночь, оставлялъ дверь на балконъ отпертою и по временамъ выходилъ на свѣжій ночной воздухъ. Поэтому мы съ Чистяковымъ, тихонько раскрывъ свое окно и прикрывши отверстіе снаружи ставнемъ, спрыгивали съ цоколя на Дѣвичье поле къ подговоренному заранѣе извозчику, который и везъ насъ до трактира. Однажды, когда я сильно хмѣльной, везъ шатавшагося передо мною на дрожкахъ сюсюкающаго и безъ того косноязычнаго Чистякова, я заблаговременно досталъ извозчику бо́льшую противъ ряды монету и, приказавъ подъѣхать къ нашему окну шагомъ, велѣлъ тотчасъ безшумно отъѣхать, какъ скоро мы прикроемъ за собою ставень. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ съ дрожекъ встащить на цоколь и въ комнату Чистякова. Но не успѣли мы еще потушить огня, какъ въ дверь постучались и послышался голосъ Погодина: «отоприте!»

— Боже тебя сохрани, сказалъ я Чистякову, — говорить; твое дѣло—ложись на кровать и спи.

Дѣлать было нечего, я отворилъ дверь, стараясь по возможности не дышать.

— Какой тутъ извозчикъ, видѣлъ я, подъѣзжалъ къ вашему окну? спросилъ Михаилъ Петровичъ. Внезапное вдохновеніе озарило

меня. «Это, должно быть, мѣщане, сказалъ я,—ладятъ подъ нашего лучшаго въ саду соловья».

— Видишь, подлецы, сказалъ Михаилъ Петровичъ,—надо за ними посматривать.

— Да мы и посматриваемъ, Михаилъ Петровичъ.

— Ну то-то! Да и вамъ пора спать. Прощайте!

Погодинъ затворилъ за собою дверь, и гроза миновала.

Не помню, по какому случаю, ужъ не ради-ли его дебелой возмужалости, въ нашей комнатѣ помѣстился и Тындоевъ. Конечно, ни онъ, ни я не могли спорить въ прилежаніи съ Чистяковымъ, долбившимъ тетрадки напропалую поздно ночью, когда мы съ беззаботнымъ армяниномъ глубоко спали.

Однажды, когда мы съ Чистяковымъ готовились усердно изъ всемірной и русской исторіи, вошелъ отецъ Чистякова съ брилліантовой Анной на шеѣ, которой никогда не снималъ, и сказалъ: «ну, Сергѣй, собирай свои тетрадки и поѣдемъ домой. Я за тебя экзаменъ уже выдержалъ».

Тутъ онъ разсказалъ, какъ у попечителя графа Строганова онъ, объяснивъ, что препятствіе къ поступленію въ университетъ выдержавшаго экзаменъ Чистякова за истеченіемъ года, на который онъ опередилъ своихъ сверстниковъ по гимназіи, само собою пало, испросилъ о допущеніи сына въ число студентовъ безъ новаго экзамена. Въ данную минуту разрѣшеніе уже было дано, и я одинъ остался готовиться къ экзамену, такъ какъ Тындоевъ окончательно отказался отъ надежды поступить въ университетъ.

У Варпанова былъ дядя сенаторъ, котораго имени не упомню: знаю только, что, по желанію послѣдняго, къ Варпанову ходилъ театральный скрипачъ давать уроки, и что даже учитель съ ученикомъ сочинили въ честь дяденьки какую-то кантату и напечатали ее, посвятивъ его превосходительству отъ имени Варпанова. Иногда въ воскресенье дядя присылалъ за Варпановымъ прекрасную коляску, запряженную четверкой вороныхъ съ форейторомъ. Тогда Варпановъ, вѣроятно, потому, что за неимѣніемъ родныхъ въ Москвѣ, я оставался дома, приходилъ ко мнѣ и звалъ кататься.

— Ну, голубчикъ, Шеншинъ, восклицалъ онъ,—поѣдемъ, пожалуйста, кататься и заѣдемъ въ полпивную.

— Эхъ братъ! восклицалъ я:—ты-бы хоть дядинаго кучера постыдился! Развѣ въ коляскахъ четверками ѣздятъ по полпивнымъ!

Надо прибавить, что Варпановъ всегда былъ одѣтъ по послѣдней модѣ. Сначала онъ было и упросилъ меня дозволить ему въ первой

моей комнатѣ упражняться на скрипкѣ; но однажды, когда онъ окончательно вывелъ меня изъ терпѣнія, я, безуспѣшно сказавши: «убирайся вонъ!»—взялъ его за ухо и вывелъ въ корридоръ.

Однажды, въ воскресенье, Варпановъ, замѣтивъ извозчика подъ моимъ окномъ, сталъ приставать: «Скажи, душенька, куда ты ѣдешь?»

Въ праздничные дни я иногда съ удовольствіемъ ѣздилъ къ Павлу Павловичу, занимавшему прекрасную квартиру въ большомъ домѣ на Знаменкѣ. Не менѣе радушно, чѣмъ онъ самъ, принимала меня и угощала чаемъ пожилая его сестра.

Не имѣя причины скрываться, я отвѣчалъ Варпанову, что ѣду къ Хилкову. Тутъ я не могъ отвязаться отъ его убѣдительныхъ просьбъ взять его съ собою.

— Голубчикъ! воскликнулъ онъ, подходя къ непочатой банкѣ помады:—позволь мнѣ попомадиться.

— Изволь, сказалъ я, стараясь отдѣлаться отъ его просьбъ:— только съ тѣмъ, чтобы ты вымазалъ всю банку на голову.

— Не разсердишься? прихихикивая, спросилъ онъ.

— Сказалъ, такъ не разсержусь, отвѣчалъ я.

Смотрю, мой Варпановъ, запустивъ пятерню правой руки въ банку съ закругленнымъ дномъ, разомъ выковырнулъ весь комъ помады и, переложивъ его на лѣвую ладонь, сталъ правою мало по малу размазывать по своимъ кудрявымъ волосамъ. Черезъ двѣ минуты голова его стала бѣлою, какъ-бы вымазанная сметаною. Накрывшись своей блестящей циммермановской шляпой, онъ вышелъ и сѣлъ передо мною бокомъ на калиберъ, на которомъ я сидѣлъ верхомъ. Всю дорогу я ѣхалъ какъ-бы нюхая стклянку съ духами. Даже милый и невозмутимый Павелъ Павловичъ воскликнулъ, увидавъ Варпанова: «что съ вами?»

Выше я упомянулъ о проживавшемъ съ нами въ одномъ корридорѣ Медюковѣ; но приходится нѣсколько остановиться на этой личности.

Какая-то неизвѣстная намъ богатая свѣтская барыня перемѣстила этого 18-ти или 17-ти-лѣтняго юношу, если не ошибаюсь изъ Вильны, къ Погодину для приготовленія въ университетъ. Видно было, что молодой человѣкъ принадлежалъ къ порядочному кругу, такъ какъ держалъ себя со всѣми весьма прилично, не проявляя той непочатой неотесанности, которою, не тѣмъ будь помянутъ, отличался, напримѣръ, Чистяковъ, несмотря на свое прилежаніе. Учился Медюковъ у тѣхъ-же погодинскихъ учителей, поневолѣ готовясь изъ латинскаго языка и русской исторіи, хотя гораздо охотнѣе льнулъ къ француз-

скимъ и польскимъ романамъ, такъ какъ, поступивъ къ намъ изъ виленскаго пансіона Ганзіера, владѣлъ въ первое время гораздо свободнѣе польскимъ, чѣмъ русскимъ языкомъ. Это была молодая неиспорченная душа, исполненная самыхъ благородныхъ порывовъ, и я не безъ удовольствія слушалъ его, когда онъ съ любовью разсказывалъ о своемъ воспитателѣ Ганзіерѣ и о полковникѣ отцѣ своемъ, котораго онъ, кажется, никогда не видалъ. О матери онъ никогда не вспоминалъ, и я никогда и позднѣе не спрашивалъ его о его семействѣ. За-то при всей моей симпатіи къ этому милому юношѣ, я никогда не вѣрилъ въ возможность поступленія его въ университетъ.

Однажды, въ то время, какъ онъ сидѣлъ у меня въ комнатѣ передъ самымъ вступительнымъ экзаменомъ, вошелъ, прихрамывая, человѣкъ высокаго роста, лѣтъ подъ 30, со стальными очками на носу, и сказалъ: «Господа, честь имѣю рекомендоваться: вашъ будущій товарищъ Иринархъ Ивановичъ Введенскій».

Оказалось, что онъ, чуть-ли не исключенный за непохвальное поведеніе изъ Троицкой духовной академіи, недавно вышелъ изъ больницы и, не зная что начать, обратился съ предложеніемъ услугъ къ Погодину. Михаилъ Петровичъ, обрадовавшись сходному по цѣнѣ учителю, пригласилъ его остаться у него и помогъ перейти безъ экзамена на словесный факультетъ. Не только въ тогдашней дѣйствительности, но и теперь въ воспоминаніи не могу достаточно надивиться на этого человѣка. Не помню въ жизни болѣе блистательнаго образчика схоласта. Можно было подумать, что этотъ человѣкъ живетъ исключительно дилеммами и софизмами, которыми для ближайшихъ цѣлей управляетъ съ величайшей ловкостью. Познакомившись съ Введенскимъ хорошо, я убѣдился, что онъ въ сущности зналъ только одно слово: хочу; но что во всю жизнь ему даже не приходилъ вопросъ,— хорошо-ли, законно-ли его хотѣнье. Такъ, первымъ разсказомъ его было, какъ онъ довелъ до слезъ сердобольную барыню въ больницѣ, пришедшую къ нему въ комнату послѣ пасхальной заутрени поздравить его со словами: «Христосъ воскресъ!»

— Вмѣсто обычнаго «Воистину воскресъ», говорилъ Введенскій,— я сказалъ ей: «покорно васъ благодарю». Озадаченная сердобольная назвала меня безбожникомъ.—«Не я безбожникъ, отвѣчалъ я,—а вы безбожница; у васъ не только нѣтъ Бога, но вы даже не имѣете о немъ никакого понятія. Позвольте васъ спросить, что вы подразумѣваете подъ именемъ Бога?» Конечно, я хохоталъ надъ всѣми нелѣпостями, которыя она по этому вопросу начала бормотать, и, убѣ-

дившись, вѣроятно, въ полномъ своемъ невѣдѣніи, барыня разревѣлась до истерики.

Конечно, и по переходѣ въ университетъ, Введенскій никогда не ходилъ на лекціи. Да и трудно себѣ представить, что могъ-бы онъ на нихъ почерпнуть. По латыни Введенскій писалъ и говорилъ такъ-же легко, какъ и по русски, и хотя выговаривалъ новѣйшіе языки до неузнаваемости, писалъ по нѣмецки, французски, англійски и итальянски въ совершенствѣ. Генеалогію и хронологію всемірной и русской исторіи помнилъ въ изумительныхъ подробностяхъ. Вскорѣ онъ перешелъ въ нашъ флигель и поселился въ комнатѣ Медюкова, который къ нему дружески привязался.

До самаго экзамена я продолжалъ брать уроки исторіи по тетрадкамъ Бѣляева «хромобѣса», который постоянно говорилъ мнѣ о приготовляемомъ имъ въ университетъ изумительномъ ученикѣ Аполлонѣ Григорьевѣ. «Какая память, какое прилежаніе! говорилъ онъ,—не могу нахвалиться. Если, Богъ дастъ, поступите въ университетъ, сведу васъ непремѣнно».

Вмѣстѣ съ приближеніемъ лѣта подъ наше съ Тындоевымъ окно почти ежедневно приходилъ мороженикъ съ кадкою на головѣ и угощалъ насъ лакомствомъ; между прочимъ, и я наслаждался большимъ стаканомъ crême brulé, стоившимъ двугривенный. Замѣтивъ, съ какой алчностью скупой Тындоевъ бралъ и себѣ стаканъ мороженаго, Медюковъ, не прочь иногда и пошалить, подошелъ и ловко ударилъ снизу стаканъ Тындоева по дну, такъ что мороженое, исполнивъ salto mortale, шлепнуло на земь. Ярости и фырканьямъ Тындоева не было предѣловъ. Вознегодовавъ на его грубую брань, я сказалъ: «что ты фыркаешь, какъ верблюдъ? да что тамъ верблюдъ! ты хуже верблюда! верблюда поведи на веревкѣ на рынокъ, за него все-таки 30 рублей дадутъ, а за тебя ничего не дадутъ!»

— Анъ дадутъ! наивно возразилъ Тындоевъ и тѣмъ развеселилъ насъ, а Медюковъ приказалъ мороженику наложить Тындоеву новый стаканъ мороженаго.

За нѣкоторое время до экзаменовъ Тындоевъ объявилъ, что ему необходимо съѣздить въ Тифлисъ, но что къ зимѣ онъ снова вернется, чтобы засѣсть за работу для экзаменовъ въ будущемъ году. При этомъ онъ выпросилъ у меня на проѣздъ прекрасный кожаный чемоданъ, купленный мнѣ отцомъ въ Петербургѣ. Съ той поры я не встрѣчался уже ни съ Тындоевымъ, ни съ чемоданомъ, за который мнѣ впослѣдствіи порядкомъ досталось отъ отца.

— Михаилъ Петровичъ, сказалъ я, входя къ нему за нѣсколько

дней до вступительныхъ экзаменовъ въ университетъ,—не зная формальныхъ порядковъ, прошу вашего совѣта касательно послѣдовательныхъ мѣръ для поступленія въ университетъ.

— И прекрасно дѣлаете, почтеннѣйшій; идешь—надо узнать, къ кому обратиться въ университетѣ—къ сторожу или къ его женѣ. А на какой факультетъ?

— На юридическій.

— Ну, хорошо, я тамъ секретарю скажу, а вы обратитесь къ нему, и онъ вамъ все сдѣлаетъ.

Начались экзамены. Получить у священника, протоіерея Терновскаго, хорошій баллъ было отличной рекомендаціей, а я еще, по милости Новосельскихъ семинаристовъ, былъ весьма силенъ въ катехизисѣ и получилъ пять.

Каково было мое изумленіе, когда на латинскомъ экзаменѣ, въ присутствіи главнаго латиниста Крюкова и декана Давыдова, профессоръ Клинъ подалъ мнѣ для перевода Корнелія Непота. Чтобы показать полное пренебреженіе къ задачѣ, я, не читая латинскаго текста, сталъ переводить и получилъ пять съ крестомъ. Изъ исторіи добрѣйшій Погодинъ, помимо всякихъ Ольговичей, спросилъ меня о Петрѣ Великомъ, и при вопросѣ о его походахъ я назвалъ походъ къ Азовскому морю, Сѣверную войну, Полтавскую битву и Прутскій походъ. Изъ математики я, къ счастію, услыхалъ отъ добрыхъ людей, что Д. М. Перевощиковъ, спрашивая у экзаменующаго: «что вы знаете?» терпѣть не могъ утвердительныхъ отвѣтовъ и тотчасъ-же доказывалъ объявившемуся знающимъ хотя-бы четыре первыхъ правила, что онъ ничего не знаетъ. Предупрежденный, я сказалъ, что проходилъ до такихъ-то предѣловъ и, удачно разрѣшивъ въ головѣ задачу, получилъ четверку.

Такимъ образомъ поступленіе мое въ университетъ оказалось блестящимъ, и я до того возгордился, что написалъ Крюммеру самохвальное письмо. Въ послѣдній день экзаменовъ я заказалъ себѣ у военнаго портнаго студенческій мундиръ, объявивъ, что не возьму его, если онъ не будетъ въ обтяжку. Я зналъ нѣкоторыхъ, не менѣе меня гордыхъ первымъ мундиромъ, какъ вывѣскою извѣстной зрѣлости для научныхъ трудовъ. Но мой восторгъ былъ только предвкушеніемъ офицерскаго мундира, составлявшаго мой всегдашній идеалъ. Независимо отъ того, что всѣ семейныя наши преданія не знали другаго идеала, офицерскій чинъ въ то время давалъ потомственное дворянство, и я не разъ слыхалъ отъ отца по поводу какого-то затруд-

пенія, встрѣченнаго имъ въ герольдіи: «мнѣ дѣла нѣтъ до ихъ выдумокъ, я кавалерійскій офицеръ и потому потомственный дворянинъ».

Въ такихъ кавалерскихъ стремленіяхъ надо, кажется, искать разгадки все болѣе и болѣе охватывавшаго меня чувства отвращенія къ юридическому поприщу, на которомъ я, вмѣсто гусара, видѣлъ себя крючкотворцемъ. И вотъ не прошло двухъ недѣль, какъ я появился въ кабинетѣ у Погодина съ слѣдующей рѣчью:

— Михаилъ Петровичъ, не откажите еще разъ въ вашей помощи. Я ненавижу законы и не желаю оставаться на юридическомъ факультетѣ, а потому помогите мнѣ перейти на словесный.

— Вѣдь вотъ, подумаешь, у теперешней молодежи какіе разговоры! Ненавижу законы! Что-жь вы, почтеннѣйшій, беззаконникъ, что-ли! Вѣдь на словесный факультетъ надо додерживать экзаменъ изъ греческаго.

— Буду держать, Михаилъ Петровичъ.

— Да вѣдь вамъ надо сильно дорожить университетомъ, коли вы человѣкъ безъ имени. Я, почтеннѣйшій, студентовъ у себя въ домѣ не держу, но для васъ дѣлаю исключеніе до Новаго года.

Добрѣйшій профессоръ В. И. Оболенскій развернулъ мнѣ первую страницу Одиссеи, хорошо мнѣ знакомую, и поставилъ пять. И вотъ я поступилъ на словесный результатъ.

Когда минула горячая пора экзаменовъ и Введенскій, надѣвъ тоже студенческій мундиръ, окончательно поселился у Медюкова, мы трое стали чаще сходиться по вечерамъ къ моему или Медюковскому самовару. Замѣтивъ, вѣроятно, энтузіазмъ, съ которымъ добродушный и сирый Медюковъ вспоминалъ о своемъ воспитателѣ Ганзіерѣ, прямолинейный Введенскій не отказывалъ себѣ въ удовольствіи продернуть бѣднаго юношу, сильно отдававшаго польскимъ духомъ

— Позвольте, господа, восклицалъ Введенскій:—чтобы правильнѣе относиться къ дѣлу, слѣдуетъ понять, что Ганзіеръ миѳъ. Для каждаго понимающаго, что такое миѳъ, несомнѣнно, что когда дѣло идетъ о русскомъ юношѣ, получающемъ образованіе черезъ сближеніе съ иностранцами, то невольно возникаетъ образъ Ганзы, сообщившей нашимъ непочатымъ предкамъ свое образованіе. Во избѣжаніе нѣкоторой сложности такого представленія, миѳъ уловляетъ тождественными звуками нужное ему олицетвореніе и появляется Ганзіеръ миѳъ.

Надо было видѣть, до какой степени оскорбляло Медюкова такое отношеніе къ его воспитателю. Онъ кипятился, выходилъ изъ себя и, наконецъ, со слезами просилъ не говорить этого. Такимъ образомъ Ганзіеръ миѳъ былъ оставленъ въ покоѣ.

Никогда съ тѣхъ поръ не приводилось мнѣ видѣть такого холоднаго и прямолинейнаго софиста, какимъ былъ Введенскій. Оглядываясь въ настоящее время на эту личность, могу сказать, что это былъ типъ идеальнаго нигилиста. Ни въ политическомъ, ни въ соціальномъ отношеніи онъ ничего не желалъ, кромѣ денегъ для немедленнаго удовлетворенія мгновенныхъ прихотей, выражавшихся въ самыхъ примитивныхъ формахъ. Едва-ли онъ различалъ непосредственнымъ чувствомъ должное отъ недолжнаго. Во всемъ, что называется убѣжденіемъ, онъ представлялъ бѣлую страницу, но въ умственномъ отношеніи это была машина для выдѣлки софизмовъ, на подобіе спеціальныхъ машинъ для шитья или вязанья чулокъ.

— Позвольте, говорилъ онъ, услыхавъ самую несомнѣнную вещь;— такое убѣжденіе требуетъ доказательствъ, а ихъ въ данномъ случаѣ не только нѣтъ, но есть множество въ пользу противоположнаго.

Но и при такой прямолинейности возможны не скажу страсти, а минутныя увлеченія. Такъ, нѣсколькихъ лишнихъ рюмокъ водки или хересу было достаточно, чтобы Введенскій признался намъ въ любви, которую онъ питаетъ къ дочери троицкаго полицеймейстера Засицкаго, за которою и ухаживаетъ какой-то болѣе поощряемый офицеръ.

Однажды онъ даже прочелъ мнѣ письмо, написанное имъ къ разборчивой матери любимой имъ дѣвушки, въ которомъ онъ два пола сравнивалъ съ двумя половинками разрѣзаннаго яблока. Въ настоящую минуту мнѣ ясно, до какой степени это сухое и сочиненное сравненіе обличало головной характеръ его отношеній къ дѣлу.

Подъ вліяніемъ неудачи онъ вдругъ невѣдомо съ чего приступилъ ко мнѣ съ просьбой написать сатирическіе стихи на совершенно неизвѣстную мнѣ личность офицера, ухаживающаго за предметомъ его страсти. Нѣсколько дней мучился я непосильною задачей и, наконецъ, разразился сатирой, которая, если-бы сохранилась, прежде всего способна была-бы пристыдить автора; но не такъ взглянулъ на дѣло Введенскій и сказалъ: «вы несомнѣнный поэтъ и вамъ надо писать стихи». И вотъ жребій былъ брошенъ. Съ этого дня, вмѣсто того, чтобы ревностно ходить на лекціи, я почти ежедневно писалъ новые стихи, все болѣе и болѣе заслуживающіе одобренія Введенскаго.

Однажды, помнится, это было по первозимью, Введенскій пригласилъ меня поѣхать къ Троицѣ. Мы наняли тройку туда и обратно и, чтобы избѣжать опросовъ у заставы, прошли за шлагбаумъ пѣшкомъ. Остановившись въ гостинницѣ, мы прошли въ домъ Засицкихъ Не удивительно, что исполненной чувства достоинства матери и миловидной дочери мало льстило искательство угловатаго бурсака Ввe-

денскаго. Въ обращеніи со мной все семейство не скупилось на привѣтствія, которыхъ тщетно добивался Введенскій. Иринархъ Ивановичъ повелъ меня показывать монастырь съ его знаменитой ризницей, а затѣмъ отецъ казначей зазвалъ насъ къ себѣ пить чай. Чай, должно быть, пришелся всѣмъ намъ по вкусу, такъ такъ мы, одабривая его, выпили большую бутылку коньяку.

Нуждаясь въ деньгахъ, Введенскій обращался къ книгопродавцу Наливкину, прося у него и у другихъ, которыхъ именъ указать не умѣю, переводной работы. Сколько разъ, уходя поздно вечеромъ изъ комнаты Введенскаго, мы съ Медюковымъ изумлялись легкости, съ которою онъ, хохоча и по временамъ отвѣчая намъ, сдвинувъ очки на лобъ, что называется, строчилъ съ плеча переводы изъ Диккенса и Теккерея, которые затѣмъ безъ поправокъ отдавалъ въ печать.

Однажды, когда передъ Рождествомъ мнѣ пришлось подавать небольшое разсужденіе на греческомъ языкѣ, я попросилъ Введенскаго написать его за меня, полагая, что, будучи въ настоящую минуту пьянъ, онъ отложитъ исполненіе моей просьбы до другаго дня. Но, схвативъ бумагу и перо, Введенскій продолжалъ хохотать и черезъ нѣсколько минутъ страница покрылась греческимъ письмомъ съ надлежащими знаками препинанія и ударенія. Не будучи самъ въ состояніи написать подобной работы, я вынужденъ былъ преднамѣренно сдѣлать нѣкоторыя ошибки, безъ которыхъ добродушный Оболенскій, тѣмъ не менѣе, замѣтилъ-бы подлогъ. Но въ данное время подъ вліяніемъ Введенскаго я какъ-то безсознательно попалъ на стезю подлоговъ.

Между тѣмъ Введенскій, тряхнувъ, вѣроятно, академическою стариной, сталъ частенько отлучаться изъ дому, не ночуя даже дома. Мы съ Медюковымъ, насколько могли, скрывали эти выходки отъ Погодина. Но быть дядькою необузданнаго человѣка, старшаго лѣтами, весьма скучно. И когда однажды лихачъ въ малиновой бархатной шапкѣ, привезши совершенно пьянаго Введенскаго, потребовалъ за провозъ рубль, я выдалъ эти деньги, а Введенскаго, совершенно раздѣвши, мы уложили на кровать, платье-же его спрятали. Но эта мѣра мало помогала. Пьяный, заявляя желаніе ѣхать со двора, такъ крѣпко билъ кулакомъ по переплету зимней рамы, что можно было ожидать, что онъ порѣжется, попавъ въ стекло. Не помню, кто еще, чуть-ли не Варпановъ, подошелъ на эту сцену; и я нарочно громогласно заявилъ, что чего-бы Введенскій ни дѣлалъ, ни платья, ни денегъ ему не дадимъ, потому что послѣднихъ ни у кого нѣтъ. Тогда Введенскій, сидѣвшій въ одной сорочкѣ съ ногами на кровати, вдругъ испустилъ какой-то звѣроподобный визгъ и пальцами правой руки сдавилъ себѣ горло.

— Пусть, пусть его, господа, куражится! сказалъ я.

Но когда прошло приблизительно двѣ-три минуты, показавшіяся намъ вѣчностью, и Введенскій, продолжая сжимать горло, повалился на подушку, я побоялся, чтобы глупая комедія не превратилась въ трагедію, и сталъ разжимать ему закостенѣвшіе пальцы. Много труда стоило освободить сдавленное такимъ образомъ горло; но когда и затѣмъ дыханіе не возобновлялось, мы перетрусили не на шутку и бросились къ колодцу, который находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ оконъ. Нѣкоторое время кувшины и тазы холодной воды обильными струями изливались на Введенскаго, не вызывая въ немъ никакихъ признаковъ жизни. Съ кровати текло, и мы ходили по полу въ водѣ. Наконецъ онъ громко вздохнулъ: «охъ!»

Но судьбѣ угодно было съ дороги мертвящей софистики перевести меня на противоположную стезю беззавѣтнаго энтузіазма.

Познакомившись въ университетѣ по совѣту Бѣляева, съ одутловатымъ, сѣроглазымъ и свѣтлорусымъ Григорьевымъ, я однажды рѣшился поѣхать къ нему въ домъ, прося его представить меня своимъ родителямъ.

Домъ Григорьевыхъ съ постоянно запертыми воротами и калиткою на задвижкѣ находился на Малой Полянкѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ церкви Спаса въ Наливкахъ. Принявъ меня какъ нельзя болѣе радушно, отецъ и мать Григорьева просили бывать у нихъ по воскресеньямъ. А такъ какъ я въ это время ѣздилъ къ нимъ на парномъ извозчикѣ, то уже въ слѣдующее воскресенье старики буквально довѣрили мнѣ свозить ихъ Полонушку въ циркъ. До той поры они его ни съ кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не отпускали изъ дому. Оказалось, что Ап. Григорьевъ, не взирая на примѣрное рвеніе къ наукамъ, успѣлъ, подобно мнѣ, заразиться страстью къ стихотворству, и мы въ каждое свиданіе передавали другъ другу вновь написанное стихотвореніе. Свои я записывалъ въ отдѣльную желтую тетрадку, и ихъ набралось уже до трехъ десятковъ. Вѣроятно, замѣтивъ наше взаимное влеченіе, Григорьевы стали поговаривать, что какъ было-бы хорошо, если-бы, отойдя къ новому году отъ Погодина, я упросилъ своего отца помѣстить меня въ ихъ домѣ вмѣстѣ съ Аполлономъ, причемъ они согласились-бы на самое умѣренное вознагражденіе.

Всѣ мы хорошо знали, что Н. В. Гоголь проживаетъ на антресоляхъ въ домѣ Погодина, но никто изъ насъ его не видалъ. Только однажды, всходя на крыльцо погодинскаго дома, я встрѣтился съ Гоголемъ лицомъ къ лицу. Его горбатый носъ и свѣтлорусые усы на-

всегда запечатлѣлись въ моей памяти, хотя это была единственная въ моей жизни съ нимъ встрѣча. Не будучи знакомы, мы даже не поклонились другъ другу.

О своихъ университетскихъ занятіяхъ въ то время совѣстно вспомнить. Ни одинъ изъ профессоровъ, за исключеніемъ декана И. И. Давыдова, читавшаго эстетику, не умѣлъ ни на минуту привлечь моего вниманія и, посѣщая по временамъ лекціи, я или дремалъ, поставивши кулакъ на кулакъ, или старался думать о другомъ, чтобы не слыхать тоску наводящей болтовни. Зато желтая моя тетрадка все увеличивалась въ объемѣ, и однажды я рѣшился отправиться къ Погодину за приговоромъ моему эстетическому стремленію.

— Я вашу тетрадку, почтеннѣйшій, передалъ Гоголю, сказалъ Погодинъ;—онъ въ этомъ случаѣ лучшій судья.

Черезъ недѣлю я получилъ отъ Погодина тетрадку обратно со словами: «Гоголь сказалъ, это несомнѣнное дарованіе».

Добрый Медюковъ былъ почти единственнымъ слушателемъ моего восторженнаго чтенія чужихъ и собственныхъ стиховъ и разжигалъ меня своимъ неподдѣльнымъ участіемъ. Хотя онъ и называлъ какую-то госпожу Л—ву, которую посѣщалъ по воскресеньямъ и которая щедро снабжала его карманными деньгами, но никто никогда не распрашивалъ его о семейныхъ подробностяхъ

Однажды онъ съ полной наивностью и даже усмѣшкой разсказывалъ, что вчера, въ воскресенье, знакомыя дамы стали выбирать для него подходящую фамилію и выбрали: Всеславинъ. При этомъ одна воскликнула: «Прекрасно, прекрасно! Отъ души желаемъ всѣ славы вамъ».

Бѣдный и милый юноша! Онъ никогда не дѣлалъ даже попытокъ къ поступленію въ университетъ и могъ-бы служить грустнымъ примѣромъ неудачнаго стремленія на классическую стезю людей совершенно къ ней неспособныхъ. Подумаешь, что, кромѣ университетскихъ, жизненныхъ путей не существуетъ.

Еще до возвращенія моего въ Новоселки, въ семействѣ нашемъ произошла значительная перемѣна. 87-лѣтній дѣдъ Василій Петровичъ скончался, и ближайшіе наслѣдники полюбовно раздѣлили оставшееся состояніе слѣдующимъ образомъ: отцу досталась Грайворонка, Землянскаго уѣзда, съ коннымъ заводомъ; дядѣ Петру Неофитовичу—село Клейменово и деревня Долгое, Мценскаго уѣзда; а дядѣ Ивану Неофитовичу—вторая половина родоваго имѣнія Добрая Вода и домъ въ Орлѣ.

Приближалось время Рождественскихъ вакацій, и, конечно, меня тянуло домой и къ дядѣ похвастать мундиромъ. Но по случаю рас-

продажи мною всего носильнаго платья, начиная съ шубы, и отсутствія денегъ, надо было достать послѣднихъ на переѣздъ до Мценска. Часы мои были тоже въ закладѣ, и оставалось единственное средство занять 50 рублей у погодинской кормилицы, которой я далъ слово выслать деньги въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ деревню. Наконецъ, лекціи кончились, и я съ отпускнымъ билетомъ въ рукахъ нанялъ сдаточнаго ямщика. Дорожа единственнымъ мундирнымъ сюртукомъ, я завязалъ его въ узелокъ съ бѣльемъ, а самъ выпросилъ у Введенскаго его нанковый халатъ на тонкой подкладкѣ изъ ваты; сверхъ этого легко подбитая ватой студенческая шинель съ мѣховымъ воротникомъ и лѣтняя форменная фуражка составляли всю мою одежду при 25-градусномъ морозѣ. Помню, на одной станціи я такъ застылъ, что долженъ былъ подниматься какъ-бы на ходуляхъ, такъ какъ ноги не сгибались въ колѣняхъ. Пока ямщики собирали перекладную, я продолжалъ шагать по двору, не входя въ избу. Я зналъ, что, войдя прямо въ тепло, рисковалъ жестоко обморозиться.

Не буду описывать радости домашней встрѣчи. Ее значительно омрачало матеріальное мое положеніе. Конечно, я не открывалъ его никому, за исключеніемъ матери, которой объяснилъ необходимость выслать немедленно 50 руб. кормилицѣ Погодина. До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ мать, не имѣвшая никогда подобной суммы, ухитрилась достать ее. Деньги эти были немедленно отправлены Введенскому съ убѣдительною просьбой передать ихъ кормилицѣ. Такимъ образомъ, главнѣйшее затруднеше было на первыхъ порахъ устранено. Дальнѣйшее устроилось безъ моего почина. Убѣдившись, вѣроятно, что неопредѣленная выдача карманныхъ денегъ ведетъ молодаго человѣка только къ безразсчетнымъ тратамъ, отецъ и дядя, снабдивъ меня необходимымъ платьемъ, рѣшили давать мнѣ въ годъ карманныхъ денегъ, въ томъ числѣ и на платье, по 200 р. Съ той поры я уже никогда не впадалъ въ безысходное безденежье и научился по одежкѣ протягивать ножки.

Въ Новоселкахъ я нашелъ въ отцовскомъ флигелѣ, вмѣсто француза Каро, классически образованнаго нѣмца Фритче, выписаннаго отцомъ, вѣроятно, при помощи Крюммера для 12-ти-лѣтняго брата Васи. Этому Фритче я старался буквально переводить свои стихотворенія, отличавшіяся въ то время, вѣроятно, подъ вліяніемъ Мочалова, самымъ отчаяннымъ пессимизмомъ и трагизмомъ. Не удивляюсь въ настоящее время тому, что добродушный нѣмецъ совѣтовалъ мнѣ не читать этихъ стиховъ матери, которую воззванія къ кинжалу, какъ къ единственному прибѣжищу, не могли обрадовать.

Ко времени возвращенія въ Москву стужа сдалась, и я доѣхалъ безъ особенныхъ приключеній. Каковъ-же былъ мой ужасъ, когда при первой встрѣчѣ кормилица набросилась на меня съ упреками, и я узналъ, что Введенскій высланныя для кормилицы деньги истратилъ на собственныя прихоти.

Началась снова тоскливая жизнь ничѣмъ незанятаго студента, вырывающаяся изъ тѣсноты подобно пиву, пѣнящемуся во время перевозки.

Медюкова, переѣхавшаго на квартиру къ какой-то барынѣ, я уже не засталъ у Погодина.

Не припомню хорошенько, какимъ образомъ подружился я съ милымъ Куляпкой, ученикомъ пансіона профессора Павлова на Дмитровкѣ, въ домѣ, въ которомъ впослѣдствіи помѣщался лицей Каткова. Не могу припомнить никакой неблагоприличной оргіи въ сотовариществѣ съ Куляпкой. Онъ любилъ театръ и всегда бралъ кресло для себя и для меня на драматическія представленія съ игрою Мочалова. Во время, о которомъ я говорю, Куляпка уже вышелъ изъ пансіона и помѣстился на Тверской на квартирѣ изъ 3—4 комнатъ. При этомъ отношенія между нами устроились съ полной братской простотою. Когда у меня еще водились деньги, Куляпка не разъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: «Шеншинъ, одолжи мнѣ 60 рублей, черезъ недѣлю отдамъ». На это я обычно отвѣчалъ, подавая бумажникъ: «отсчитай самъ».

За-то и мнѣ въ свою очередь не разъ приходилось обращаться съ той-же просьбой къ веселому Куляпкѣ и получать въ свою очередь отвѣтъ: «возьми самъ въ конторкѣ».

При періодическихъ денежныхъ приливахъ и отливахъ, положеніе наше во флигелѣ иногда принимало острый характеръ.

Бывало, кто-либо изъ насъ, выглянувъ въ окно на дворъ, крикнетъ: «Николашка идетъ!» — присутствующіе въ комнатѣ подбѣгали къ окошку и убѣждались, что сынъ лавочника, Николай, идетъ изъза угла дома къ нашему крыльцу на колѣняхъ; на колѣняхъ всходитъ на лѣстницу, отворяетъ дверь въ томъ-же положеніи и, переступая черезъ порогъ на колѣняхъ, стукается лбомъ объ полъ.

— Господа, Бога ради! восклицаетъ широколицый и рябой Николай:—не дайте пропасть, заплатите должокъ! (обыкновенно между 10—15-ю рублями). Отецъ сегодня увидалъ, что я отпустилъ въ долгъ, схватилъ меня за скобку, повалилъ на полъ и, наступя на волосы, сталъ ухаживать мѣднымъ безмѣномъ. (Полагаю, что послѣднее Николашка присовокуплялъ для яркости картины).

Конечно, Введенскій ежедневно обѣщался получить съ Наливкина деньги за переводъ и со мною разсчитаться. Но въ моей комнатѣ онъ появлялся довольно часто.

Однажды, когда, пуская дымъ изъ длиннѣйшаго гордоваго чубука, я читалъ какой-то глупѣйшій романъ, дверь отворилась и на порогѣ совершенно неожиданно появился мой отецъ въ медвѣжьей шубѣ. Зная отъ меня, какъ враждебно смотритъ отецъ мой на куреніе табаку, некурившій Введенскій, прослышавшій о пріѣздѣ отца, вбѣжалъ въ комнату и сказалъ: «извини, что помѣшалъ, но я забылъ у тебя свою трубку и табакъ».

Эта явная ложь до того не понравилась отцу, что онъ впослѣдствіи не иначе говорилъ о Введенскомъ, какъ называя его «соловьемъ-разбойникомъ».

Когда отецъ уѣхалъ, приказавъ мнѣ пріѣхать въ гостинницу Шевалдышева къ его обѣду, я тотчасъ-же бросился къ Куляпкѣ, желая выйти по возможности изъ запутаннаго денежнаго положенія. На этотъ разъ Куляпка вышелъ ко мнѣ въ небольшую столовую и какимъ-то томнымъ жестомъ указалъ на сосѣднюю комнату. Понявъ, что что-то неладно, я вполголоса объяснилъ ему, что отецъ мой нежданно пріѣхалъ, и я прошу его меня выручить.

— А я только-что хотѣлъ бѣжать къ тебѣ, отвѣчалъ Куляпка:— мой тоже сегодня пріѣхалъ.

Такимъ образомъ, пожавъ другъ другу руки, мы грустно разстались, и я поѣхалъ въ гостинницу Шевалдышева.

— Гдѣ-же твои часы? спросилъ отецъ.

— У часовщика.

— Какъ? съ самаго Рождества? Это, братецъ, неисправный часовщикъ. Поѣдемъ взять у него часы.

Когда мы у дверей гостинницы сѣли въ санки, отецъ спросилъ: «куда-же ѣхать?» — я указалъ дорогу по направленію къ большому театру, около котораго часы были въ закладѣ. Но вотъ мы проѣхали театръ и извозчикъ повернулъ вверхъ по Кузнецкому мосту.

«Какъ это глупо! подумалъ я:—ну куда-же я везу старика, откладывая роковое объясненіе на какія-либо двѣ или три минуты».

— Папа, сказалъ я,—надо вернуться назадъ.

— Я такъ и зналъ, отвѣчалъ отецъ:—часы въ закладѣ; надо выкупить. Съ тобой закладная росписка?

— Со мной.

— Давай ее сюда.

Когда мы подъѣхали къ подъѣзду, я проводилъ отца на площадку

лѣстницы до двери закладчика, за которою отецъ велѣлъ мнѣ остаться, а самъ минутъ черезъ пять вернулся и передалъ мнѣ часы, не сказавши ни слова.

— Ты говорилъ мнѣ, сказалъ онъ,—о семействѣ Григорьевыхъ. Поѣдемъ къ нимъ; я очень радъ познакомиться съ хорошими людьми. Да и тебѣ, по правдѣ-то сказать, было-бы гораздо полезнѣе попасть подъ вліяніе такихъ людей вмѣсто общества «соловья-разбойника».

И при этомъ отецъ не преминулъ прочитать наизусть одни изъ немногихъ стиховъ, удержавшихся въ его памяти вслѣдствіе ихъ назидательности:

«Простой цвѣточекъ дикій
Нечаянно попалъ въ одинъ пучекъ съ гвоздикой.
И что же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ:
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ».

У Григорьевыхъ взаимное впечатлѣніе отцовъ нашихъ оказалось самымъ благопріятнымъ. Старикъ Григорьевъ съумѣлъ придать себѣ степенный и значительный тонъ, упоминая имена своихъ товарищей по дворянскому пансіону. Что-же касается до моего отца, то напускать на себя серьезность и сдержанность ему никакой надобности не предстояло. Мать Григорьева, Татьяна Андреевна, скелетоподобная старушка, поневолѣ показалась отцу солидной и сдержанной, такъ какъ при незнакомыхъ она воздерживалась отъ всякаго рода сужденій. Мой товарищъ Аполлонъ не могъ въ то время кому-бы то ни было не понравиться: это былъ образецъ скромности и сдержанности. Конечно, родители не преминули блеснуть его дѣйствительно прекрасною игрой на рояли.

Пока мы съ Аполлономъ ходили осматривать антресоли, гдѣ намъ предстояло помѣститься, родители переговорили объ условіяхъ моего помѣщенія на полномъ со стороны Григорьевыхъ содержаніи. Въ виду зимнихъ и продолжительныхъ лѣтнихъ вакацій, годовая плата была установлена въ 300 рублей.

На другой день утромъ Илья Аѳанасьевичъ перевезъ немногочисленное мое имущество изъ погодинскаго флигеля къ Григорьевымъ, а я, проводивши отца до зимней повозки, отправился къ Григорьевымъ на новоселье.

А. Фетъ.